

САЛАВАТ ЮЗЕЕВ

НЕ ПЕРЕБИВАЙ МЁРТВЫХ

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Салават Ильдарович Юзеев

Не перебивай мёртвых (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35393221

Не перебивай мёртвых : роман, рассказы, пьеса / Салават Юзеев.:

Татарское книжное издательство; Казань; 2015

ISBN 978-5-298-03007-6

Аннотация

В новую книгу известного кинорежиссёра, писателя, драматурга Салавата Юзеева вошли произведения, созданные за последние годы.

Основную часть книги занимает роман «Не перебивай мёртвых». Главный герой романа профессор Сарман Биги преследует своего друга детства Минлебая Атнагулова, который однажды, совершив череду страшных преступлений, стал его кровным врагом. Враг изворотлив, хитёр, знает с тёмными силами и воплощается в разные образы – то он красный комиссар, то офицер СС, то хозяин ранчо на земле индейцев кечуа. Это полное опасностей и мистических совпадений преследование растягивается на полвека.

Содержание

Не перебивай мёртвых	4
Часть первая	4
Легенда о несходящих с коней	18
История о карточном гадании и малой нужде	30
Легенда о происхождении деревни	36
История номер один о Бату Сакаеве	50
История номер два о Бату Сакаеве	54
История номер три о Бату Сакаеве	60
Несколько штрихов, завершающих портрет Бату Сакаева	67
История номер четыре о Бату Сакаеве, или История о неслыханном обмене	73
Часть вторая	83
История с зеркалом	114
Конец ознакомительного фрагмента.	144

НЕ ПЕРЕБИВАЙ МЕРТВЫХ

Салават Юзеев

**Не перебивай мёртвых:
роман, рассказы, пьеса**

Не перебивай мёртвых

Часть первая

– Моё рождение потрясло меня. Я был оглушён, ничего не понимал, и прошло немало времени, лет, наверно, пять, прежде чем мне удалось хоть немного опомниться. «Лишь сейчас я окончательно пришёл в себя», – так я думал, когда мне было двадцать пять лет. Так же я думал, когда мне было сорок лет. Так я думаю и сейчас, когда мне восемьдесят два. Дело в том, что в любом возрасте кажется, что ты в большей мере являешься собой. Хотя, быть может, я уже давно далеко от себя и приду в себя – или окончательно уйду – после второго потрясения, вы знаете какого, если учесть, что человек испытывает два самых важных потрясения, остальные не в счёт.

Вот что говорил мой сосед по купе профессор Сарман Биги. Я понимаю, что он делал это целенаправленно, желая увлечь меня или, как говорят в моей профессии, «зацепить». Что ж, его можно простить, он хотел рассказать историю своей жизни, надеясь, что она наконец-то была услышана. Так же мать, заботясь о своих детях, идёт на любые хитрости и проявляет чудеса изобретательности. Кроме того, старик знал, чем можно зацепить меня. «Откуда знал?» – спросите вы. С годами люди становятся проницательными, особенно, если проводят много времени в дороге. «Ум прибывает не только с годами, но и с расстояниями», – такая фраза промелькнёт в рассказе моего попутчика. Ему было достаточно посмотреть на меня, перемолвиться со мной парой фраз, чтобы понять, с кем имеет дело (так же опытный читатель,

прочитав пару строк наугад из книги, определит – стоит её читать или нет).

– Но если зашла речь о смерти, вот что я скажу, – продолжил он. – Люди выдумывают её образ, но он – этот образ – всего лишь порождение нашей безумной фантазии. Суть вот в чём. Смерть – имеет твой образ. Она – ты и есть. Поскольку ты несёшь её в себе с самого своего рождения. И в самую последнюю минуту ты встретишься с собой, не иначе, ты увидишь себя словно в зеркале.

Сказать по правде, после этих его слов я долгое время боялся смотреть в зеркало.

В его рассказе я услышал достаточно фраз, которые остались в моей памяти. Например: «не доверяю людям, которые пьют вчерашний чай». Или: «Есть люди, обладающие умением не перебивать мёртвых». Или: «Два хороших человека доведут друг друга до ручки гораздо вернее, чем это сделал бы какой-нибудь отъявленный негодяй». Или: «Умирая, человек оставляет нам своё тело так же, как ящерица оставляет преследователю свой хвост». Какие-то из этих выражений войдут в моё собственное изложение рассказа, а какие-то нет, ведь что-то из рассказанного придётся пропустить. Ничего не поделаешь, таков закон моего ремесла – отсекай лишнее, даже если оно представляет интерес.

В ту пору я работал на республиканском радио, а если быть точным – в сельскохозяйственной редакции, и мне приходилось записывать на свой магнитофон голоса самых раз-

ных людей. Таковы особенности нашей работы – добывать материал, а затем расшифровывать, сортировать и редактировать. Узнав, что мой попутчик иностранец, а точнее мой соплеменник, большую часть времени проведший на чужбине, я посчитал, что предо мной очень интересный тип, и решил взять у него интервью. В ту пору мне хотелось брать интервью у первого встречного, во мне ещё жил тот юношеский азарт, который в журналистской профессии с годами притихает. Включив магнитофон, я задал своему попутчику несколько вопросов, какие обычно задаются в подобных случаях, – кто он, откуда, куда направляется и что-то ещё в том же роде. Его ответ был неожиданно долог. Поначалу я слушал его, держа палец на клавише «стоп», готовый в любую секунду завершить это спонтанное интервью, но затем, увлечённый рассказом, решил запись не останавливать. Говорю же вам, старик умел рассказывать и знал, как зацепить слушателя. В результате после той поездки у меня осталось несколько десятков кассет. Забегая вперёд, скажу, что эти кассеты мне понадобились, хотя им суждено было пролежать пару десятков лет на полке. К слову сказать, я всегда придерживаюсь правила – не выбрасывать старые кассеты и не затирать их. Я старался не изменять этому правилу и позднее, когда перешёл в область документального кино, хотя видеокассеты профессионального формата стоят весьма дорого. Правда, сегодня в ходу цифровые технологии, и экономить на материале уже нет необходимости (кстати, фильмы «Не

уйдём!» и «Водопой имени Ханафи Мавлюдова» мне довелось снимать уже на цифровую камеру). Мои шкафы забиты материалами разных лет, и временами я роюсь там, обнаруживая напрочь забытые вещи.

– Деревня, из которой я родом, называется Луна. Так же называется речка, которая течёт рядом. Как она называлась прежде, никто не знает.

Вероятно, кому-то эта ситуация покажется знакомой: рассказчик, всматривающийся в проносящиеся в окне поля, его внимательный попутчик, узнающий историю чужой жизни, пассажиры, спующие в проходе. Известный литературный приём, используемый Толстым, Буниным и другими. Мне кажется, в этом есть некоторая искусственность, уловка, которой нельзя доверять. Если автор и воссоздаёт потом основную линию рассказа (во что ещё можно поверить), то детали воссоздать нельзя, ясно, что автор их придумывает. Следовательно, это история автора, а не рассказчика. Если в прошлом веке это срабатывало, то сейчас нет.

Разумеется, мне не удалось бы вспомнить и десятой части рассказанного, нажми я тогда на кнопку «стоп». Впоследствии я вынужден был всё это править, следуя своей редакторской привычке убирать повторы и паузы (чем, по сути, занимаюсь большую часть своей жизни). А иногда, не скрою, я корректировал речь, всё-таки слово сказанное отличается от слова, что должно оказаться на бумаге.

– Меня зовут Сарман Биги...

Возможно, что для моего попутчика это была ночь, когда хочется говорить, в любой жизни есть такие ночи, когда каждое слово несёт оттенок исповеди. А нигде не хочется так открыть душу, как в поезде. Поезд, он порою, как храм, несущийся в ночи. И говорить нет сил, но ты говоришь, как заведённый.

– ...я не был на Родине почти полвека.

Поезд следовал до Казани. Я ехал до конечной остановки, мой же попутчик должен был сойти на одной из промежуточных станций, откуда до его деревни ещё надо было добираться на рейсовом автобусе.

– Как медленно смеркается, – сказал он, взглянув в окно. – За это время можно сказать несколько тысяч слов. А в наших местах темнеет быстро. Скажешь одно слово – и уже темно.

Он произнёс слово, но я его не расслышал, поскольку поезд с шумом влетел в туннель. Вокруг и впрямь стало темно. Поезд ухнул в темноту, как в колодец. Но в следующий миг уже посветлело, туннель закончился.

– Давайте попьём чаю, – предложил мой попутчик.

– И правда, – сказал я. – Давайте попросим у проводника.

– У него вчерашний чай, – сказал он и достал из своей сумки мешочек с чаем. Затем попросил меня принести кипятку.

К моему удивлению, у него оказались с собой заварочный чайник и пара пиал. Я принёс кипятку, он заварил чай, его движения были легки и естественны, то были движения ма-

стера.

– Не доверяю людям, которые пьют вчерашний чай, – говорил он, пробуя из пиалы. – Вчерашний чай это словно насмешка над тобой. А свежий чай, – он поднял пиалу вровень с линией глаз, – он имеет вкус истины. Так же, как имеют её человеческая кровь, женщина и смерть. Вы пейте, что ж вы не пьёте?

– Почему не пью? Пью.

Его чай был и впрямь замечателен. Гулко стучали колёса, за окном неслась темнота, железнодорожные ветки под нами сходились и вновь расходились, истина, заключённая в чае, сходилась с истиной мчащегося в ночи поезда.

– Если вы возите с собой набор для заваривания чая, вам следовало бы возить с собой и воду, – сказал я, сделав пару глотков.

– На железной дороге особая вода, – ответил незнакомец. – Я никогда не избегаю возможности вновь её попробовать. Вкусу чая добавляется горизонт и запахи чужих территорий. Истина двоятся, троится, множится, имеет оттенки. Итак, на чём я остановился?

– На том, как быстро темнеет в ваших краях.

– Да, стоит произнести одно слово, и уже темно. Слово, которое я говорил, было имя женщины. Наша деревня расположена на двух больших холмах. Если посмотреть на них издали, они напоминают женскую грудь. Я стоял на одном из этих холмов, называл имя моей любимой, и она отвечала

мне с другого холма, назвав моё имя. И я торопился к ней, угадывая под ногами тропинку. С соседней улицы доносились звуки гармонии, из домов выходила молодёжь, начинались танцы. Извините, я почему-то начал рассказывать, забыв даже спросить, вам интересно? – Он вопросительно посмотрел на меня, блеснув стёклами очков.

– Вы упомянули про танцы, которые у вас начинались по вечерам, – сказал я. – И это мне кое-что напомнило. Один писатель как-то сказал, что любое неожиданное путешествие – а рассказ, несомненно, есть путешествие, – это урок танцев, преподанный Богом. Итак, я весь во внимании.

– Хороший слушатель – большая редкость в наше время, – попутчик подлил мне ещё чаю. – Люди большей частью любят говорить. «Молчание овцы и то красноречивей болтовни некоторых людей». Так говорил Вафа-бабай, глядя на стадо, которое маячило вдали под холмом. Этот старичок сам, однако, был достаточно разговорчив. Но разговоры его большей частью были по делу. Он обладал мудростью, той самой мудростью, что старше самого человека. Мы – детвора – постоянно вертелись у него под ногами. Мудрость, она всегда притягательна, к ней тянется и взрослый и ребёнок, и умный и дурак, и хороший человек и негодяй. Вафа-бабай был из породы старцев, умеющих всё. Он знал, как правильно проводить покойника, при надобности мог провести обряд обрезания, помнил обычаи, которые люди могли забыть, но без которых жизнь становится пустой, как вчераш-

ний чай. Его мудрость была своеобразной. Она вырастала из этой деревни, из этих двух холмов, что напоминают женскую грудь. Например, чтобы подчеркнуть ограниченность какого-нибудь молодчика, Вафа-бабай бросал фразу типа: «Дурак растёт в хвост» (то есть вся сила растущего организма идёт на увеличение хвоста). Или: «Этот человек живёт не в годы, а в рот», – говорил он про никчёмного человека, любящего поесть. Предметами его мудрости являлись рука, голова, животные, дерево. Согласитесь, именно такого рода мудрость убедительна. Встречаясь с подобными изречениями, я тут же вспоминаю Вафа-бабая. Однажды я наткнулся на его след там, где вовсе не ожидал, – в архивах Третьего рейха. Это было донесение, адресованное Альфреду Розенбергу – главному идеологу Гитлера и главе Министерства оккупированных восточных территорий. Составитель этого донесения (его подпись неразборчива) охарактеризовал татар как народ, пребывающий в состоянии, близком к первобытному: «...и живут они от руки до рта». Интересно, что сказал бы наш безобидный старичок из никому неизвестной татарской деревеньки, узнав свои слова в самых недрах адской машины разрушения? Я же посмотрел на это как на одно из странных и несуразных совпадений, которыми так богата наша жизнь. Но потом вспомнил, что во время войны кое-кто из нашей деревни хаживал в форме офицера СС. Мудрость, как я уже говорил, притягательна и для хорошего человека, и негодая. Один из холмов, на которых расположена наша дерев-

ня, на спуске переходит в Чёрный лес. Отсюда берут начало несколько троп. Одна из них выводит на Поляну мёртвых. Если хочешь поговорить с кем-то из ушедших, ты должен прийти на эту поляну. Делать это лучше всего после захода солнца, когда стихает ветер, ведь мёртвые не любят шума. Мы, дети, боялись этого места (не боялся только Халил, но о нём я расскажу позднее). Однако Вафа-бабай утверждал, что именно здесь-то человеку нечего опасаться. Поляна мёртвых располагалась довольно далеко от деревенского кладбища, которое находилось за противоположным концом деревни сразу за речкой, и, собственно, не имела к кладбищу никакого отношения. «Душе всё равно, где её тело, – уверял нас Вафа-бабай. – Человек, где бы ни был похоронен, всё равно возвращается домой». Если бы вы зашли на наше кладбище, то заметили бы, что там похоронены большей частью женщины. Мужчины умирали далеко от дома. Их словно уносило из деревни тёмной, быстрой водой, а потом возвращались их души и селились на поляне мёртвых.

В начале тридцатых годов мне довелось побывать на одном кладбище под Берлином. Надо сказать, что тогда я был в составе экскурсии, устроенной Берлинским мусульманским обществом, а возглавлял её мой старый знакомый Иоахим Вернер, о котором я расскажу позднее. Это было местечко неподалёку от Вюнсдорфа, на той самой территории, которая после войны вошла в зону дислокации советских войск и, следовательно, доступ туда уже стал закрыт. Но повторяю,

это было ещё перед войной, и пройдёт ещё несколько лет, прежде чем на металлургических предприятиях Германии и Советского Союза начнут выпускаться сотни тысяч километров колючей проволоки.

Моё внимание привлёк большой мемориальный камень, который возвышался над рядами могил. «Здесь покоятся казанские татары, которые погибли в плену во времена кайзера Вильгельма Второго», – было высечено на камне старым татарским шрифтом, использующим буквы арабской графики.

Я вдыхал острый осенний воздух и бродил среди рядов могил, а их здесь было более тысячи. «Закария Камали. 1882–1915», – прочитал я на одной из могил. Это был житель нашей деревни, один из тех, кого унесло от нас когда-то тёмной, быстрой водой. Вот ведь как получается, – думал я. – Где-то там, в каком-то Сараеве, некий тип по имени Гаврила Принцип, сделав нерешительный, но роковой шаг от моста Лайтенер, стреляет в другого типа, которого зовут эрц-герцог Фердинанд. И тем самым приводит в действие некий механизм, согласно которому Закария Камали должен проститься с женой, детьми, конём, увидеть в последний раз свою деревню, которая издали напоминает женскую грудь, и – сгинуть в далёких неведомых краях. Его подхватит тёмная, уносящая всё и вся, вода, а взамен прилетит его душа, невесомая, лёгкая, подхваченная осенним горьким ветром.

На осенних горьких ветрах

Что есть сил помчался бы на родную землю,
Но однажды покинув свой дом,
Вряд ли туда вернёшься.
На осенних горьких ветрах...

Это слова известной народной песни. По версии писателя Наки Исанбета, её сочинили солдаты Первой мировой войны. Известно, что песни, которым суждено стать народными, идут от деревни к деревне, точно медленно бредущие облака. Строчки «На осенних горьких ветрах» должны были дойти до нас где-нибудь году в семнадцатом. Но они зазвучали в нашей деревне гораздо раньше. Эту песню пел Халил. Он не боялся ходить на поляну мёртвых, где и услышал строчки про осенние горькие ветра.

– Скажите, вы не устали меня слушать? – вдруг спросил рассказчик. Он перевёл дух, точно после первой главы повествования.

За окнами неслась темнота, и она уже была крепче чая, что мы пили.

– Ни в коем случае, – сказал я. – Продолжайте.

– Вам нравится мой чай?

– Так же, как и ваш рассказ.

– А что вам нравится больше – чай или рассказ?

– Они неразрывно связаны, – уверил я его. – Я тоже не доверяю людям, которые пьют плохой чай. Только человек, понимающий толк в чае, способен на стоящий рассказ.

– Я в вас не ошибся, – успокоился он. – Итак, я продол-

жаю. На чём я остановился? Халил.

Халил очень отличался от остальных детей. Он имел один врождённый дефект. А именно – он был косоглаз. Я помню его совсем маленьким – мы были с ним одноклассники, и вот что мне врезалось в память. Холодные осенние дни. Халил зарывает ноги в землю. Он сидит, зарыв ноги в землю, поёт какую-то протяжную песню, и один глаз у него направлен на восток, другой – в землю. Впрочем то, что он пел, нельзя было назвать песней. Там не было ни слов, ни мелодии, а было что-то тягучее, идущее то ли из земли, то ли из детского нутра, чего мы, ребята, ещё не понимали. Вспоминается мне ещё один случай, когда по нашей улице мчится разъярённый бык. Он преследует насмерть перепуганную женщину. Я наблюдаю это в окно, и мне хорошо видно Халила, который стоит возле калитки. Вот мимо него пробегает женщина. А в следующий миг перед мальчиком вырастает бык.

Я помню это ужасно отчётливо, хотя мне было тогда лет, наверно, пять. Так отчётливо можно помнить лишь особого рода случаи – те случаи, которые проскакивают будто между прочим, но таят в себе страшное содержание. Твой мозг запечатлевает их, будто зная наперёд, что придётся восстанавливать потом каждое мгновение. Мне на память приходит другой случай. это произошло спустя тридцать лет в гостинице Роджера Смита, что на пересечении Легсингтон-авеню и сорок девятой стрит в Нью-Йорке. Я только что проснулся и делал утреннюю гимнастику, когда в окне промелькнула

вниз человеческая фигура. Следует отметить, что мой номер находился на двенадцатом этаже. Затем я пошёл принимать ванну. А позже мне стало известно, что постоялец с четырнадцатого этажа покончил жизнь самоубийством, выбросившись в окно. Позже я всё восстановил в памяти. Я вспомнил, в какой костюм был одет промелькнувший в окне человек, и даже какие у него были запонки, одна из которых сверкнула тогда на солнце.

Но вернёмся к Халилу. Вот что я увидел. Бык не тронул мальчика. Более того, бык изменил направление, чтобы не задеть Халила, который стоял возле калитки, ни о чём не подозревая. Кстати, именно потому, что бык тогда изменил направление и, соответственно, снизил скорость, спасавшаяся женщина успела перепрыгнуть через ближайший забор и спрятаться. Вафа-бабай так оценил потом этот случай. «У Всевышнего свои планы насчёт каждого из нас», – сказал он, глядя на Халила, который уже беззаботно бегал среди других детей. Надо сказать, что Вафа-бабай всегда выделял этого мальчугана среди остальных и не давал его в обиду.

Халил был сиротой. Говорят, его родители никогда не расставались. Они умерли в один день, в один час, и, быть может, даже в одну и ту же минуту, но когда это случилось, – Халила ещё не было. Вафа-бабай рассказывал именно так, – родители уже покинули мир, куда мальчик не успел ещё явиться. Но зато, добавлял старик, они успели увидеться за той чертой, о которой даже и думать не дозволено.

Позволю сделать себе небольшое отступление. Как вы, наверно, помните, мне пришлось восстанавливать рассказ моего попутчика по магнитофонным кассетам, которые были предназначены для моей репортёрской деятельности. По ходу дела я надписывал их, боясь, что перепутаю, и это вполне естественно, поскольку в рассказе нет никакой хронологии или системы, позволяющей упорядочить повествование. Надписи на кассетах, служащие помимо обычной нумерации метками или опознавательными знаками повествования, я решил вынести в заголовки некоторых его частей.

Легенда о несходящих с коней

В те времена в наших краях бесчинствовала банда разбойников во главе с Кара-Саидом. Говорят, они пролили много невинной крови. Кто-то сегодня пытается представить Кара-Саида как Робин Гуда, но это полная чушь. Он грабил всех без разбора и мало кого оставлял в живых. Однако Кара-Саид, промышляя на всех дорогах, пытался подальше держаться от нашей деревни. Он знал, что наши мужчины даже хлеб режут саблями. Знал он также, что в нашей деревне никогда не бьют обидчика по морде, а тотчас берутся за ружьё, и потому – человек прежде, чем сказать, трижды подумает. Плечи наших были широки, а ноги крепки и кривы, такие ноги – приспособленные для верховой езды – до-

стались им от предков, проводших жизнь в долгих конных переходах, от предков же достался и характер – жёсткий и неукротимый.

Но в тот день Кара-Саид изменил своему правилу. Он напал на наш обоз, возвращавшийся с городской ярмарки. Случилось это уже в верстах десяти от деревни. Кара-Саид преградил обозу дорогу и сказал со своего высокого коня, что ничего никому дурного не сделает, пусть только ему отдадут весь товар, а также женщин и лошадей, а после этого все могут уходить восвояси. В ответ раздался выстрел, и с головы Кара-Саида слетела шапка. А в следующее мгновение выстрелам было несть числа и сабли мелькали как заведённые. Наших было значительно меньше, чем разбойников, но сдаваться, как вы поняли, никто не собирался. Известно, что одна из женщин в обозе была беременна, у неё уже начинались предродовые схватки. Говорят, муж, который был с ней рядом, защищал её как мог, но пал, сражённый пулей. Бой был недолгим. Разбойники никого не оставили в живых. Кара-Саид не любил, когда ему оказывают сопротивление. Однако, как потом стало известно, одному из наших всё-таки удалось скрыться. Это был восьмилетний мальчик, который, едва начался бой, прыгнул в густую траву. Он прибежал в деревню и рассказал о случившемся. Что же было дальше? Мужчины вскочили на коней и поспешили на выручку своим. Прискакав на место боя, они обнаружили разграбленный обоз и мёртвых. Вскоре кто-то заметил, что у

одной из мёртвых женщин подрагивает живот. И тогда один из мужчин, которого звали Закария Камали, обнажил саблю и вскрыл женщине чрево. А спустя несколько мгновений раздался младенческий крик. Так на свет явился Халил.

– Он явился на свет с помощью сабли, – сказал тогда один из мужчин, глядя на кричащего младенца.

– Он не успел увидаться с матерью на этом свете, – сказал другой.

– Но зато он успел увидаться с ней на том, – сказал Закария Камали.

А затем Закария Камали посмотрел на женщину, которой только что вспорол живот. Он посмотрел на неё с высоты своего коня и дал клятву, что не сойдёт с коня, пока не отомстит Кара-Саиду. Затем эту же клятву повторили остальные мужчины, и, говорят, всего их было десять.

Их было десять, и они отправились вдогонку за Кара-Саидом. Но разбойник был изворотливей иблиса. Он мог оставить с носом любого преследователя. В тот день наши мужчины его не догнали. Не догнали они его и на следующий день. Они преследовали Кара-Саида по бесконечным дорогам и полям, и всё это время не сходили со своих коней, согласно клятве. Их так и прозвали – «несходящие с коней». Вафа-бабай рассказывал, что эти люди шли по пятам злодея около месяца. Но если проехать по дальним селениям, можно услышать и другие цифры. Вас будут уверять, что Кара-Саида поймали через год, через три года, через семь, а то

и через десять лет.

Один человек рассказывал мне, как несходящие с коней проходили через его деревню. Этот человек был ещё тогда мальчиком, и вот что он запомнил. Несходящие с коней были бородачи, страшны, пахли пылью и несвежим человеческим телом. Впереди всех ехал Закария Камали. Его взгляд был пуст, как степной горизонт. Они не остановились и не произнесли ни слова, лишь взяли на ходу запас еды, предложенной сельчанами. Как рассказывает дальше этот человек, уже становилось темно, и потому несходящие с коней остановились переночевать за их деревней. Когда спустилась ночь, он, мальчик, со своими друзьями решил пойти на них посмотреть, ведь ужасно хотелось ещё раз взглянуть на этих людей, которые словно несли с собой страшную тайну. Мальчишки увидели, как спят несходящие с коней. Они спали, прикинувшись к выям коней, коней, которые, стоя спали вместе со своими хозяевами. Это был один из тех случаев, когда человек ронит с лошадью и видит её сны. Затем мальчик, преодолевая страх, подкрался к ним поближе. И тут в темноте блеснул чей-то глаз, и не ясно было, чей это глаз, человеческий или конский. Мальчик вскрикнул и убежал домой, навсегда запомнив этот глаз и эту ночь.

Надо думать, что Кара-Саид тоже не имел возможности сойти со своего коня, поскольку ему наступали на пятки. Он пытался запутать след, но те, кто его преследовали, не поддавались на его уловки. Друзья Кара-Саида разбежались, по-

сколькx стало ясно, что конец неминуем.

Злодея настигли в нескольких верстах от селения Актай, на большой поляне, неподалёку от святого ключа. А потом произошло следующее. Кара-Саид, так и не сошедший с коня, как и его преследователи, смотрел в лицо своей смерти, окружённый десятью всадниками. Бежать было уже некуда.

– Говори, что хотел, – Закария Камали глядел разбойнику прямо в глаза.

– Я хочу умереть как воин, – Кара-Саид обнажил саблю и бросился на своего врага.

Остальные молча наблюдали, чем закончится единоборство.

Закария Камали увернулся от нескольких смертельных ударов и молниеносным движением выбил у противника саблю. А в следующее мгновение он уже держал острие своей сабли у самого горла Кара-Саида.

– Был бы ты воин, ты умер бы от сабли, – сказал он и, размахнувшись, ударил плащмя клинком разбойника по голове. Удар был столь силён, что тот тут же слетел с коня. – Но ты не умрёшь от сабли.

После чего Закария Камали развернулся и поскакал прочь, а вслед за ним поскакали ещё пять его соратников. Оставшиеся же четверо поступили с разбойником так. Они привязали его руки и ноги к сёдлам четырьмя крепкими верёвками, – каждую конечность к своему седлу, хлестнули коней, дико закричали и понеслись на четыре стороны света.

Ноги Кара-Саида понеслись – одна на юг, другая на запад, руки – одна на север, другая на восток. Жители селения Актай рассказывали потом, что отчётливо слышали этот леденящий сердце крик из пяти глоток, который донёлся со стороны Святого ключа. Затем жители селения видели, как четверо несходящих с коней, свершивших казнь, присоединились к Закарие Камали и остальным, это случилось как раз возле окраины деревни.

Говорят, вернувшись домой, несходящие с коней не выходили из своих изб целую неделю. А когда вышли, они уже не помнили о происшедшем, словно сговорившись. Что же было с этими людьми дальше? В тот же год троих из них забрали на русско-японскую войну, откуда потом вернулись их души и поселились на Поляне мёртвых. Остальных же спустя десять лет забрали на Первую мировую войну, а вскоре их души принесло осенним горьким ветром. Так завершили свой земной путь те, кого народ называл «несходящие с коней».

Рассказчик остановился. Очевидно, ему трудно было так долго говорить, и он решил взять небольшой тайм-аут. Мы опять заварили чай.

– Вот ведь как получается, – сказал он, – я начал рассказывать о Халиле, а меня понесло совершенно в другую сторону, и я, сам того не желая, поведал вам историю о несходящих с коней. Однако вот что я на это скажу. Если взять нашу

деревню, куда ни ткни, попадёшь в чью-то судьбу, а она, эта судьба, повлечёт за собой и другие, и сразу наперебой зазвучат разные голоса – мёртвые и живые.

Под нами гулко стучали колёса, в купе царил полумрак, слегка мерцали два боковых ночника. За окном показался полустанок, и по лицу рассказчика промелькнул быстрый сноп света от придорожного фонаря. Рассказчик глотнул чаю. Полустанок отлетел в темноту и исчез навсегда, как попутная мысль.

– Возьми любую человеческую жизнь. Пойдёшь к её началу, обнаружишь рождение. Пойдёшь к концу – обнаружишь смерть. Всё проще некуда. Однако нет. Присмотришься внимательней, постоишь и завязнешь в каждой судьбе, как в тряпине. Поэтому я постараюсь не останавливаться.

Мой попутчик продолжил свой рассказ.

– Я упомянул о войнах, на которых погибли несходящие с коней. Я не могу забыть две эти войны, поскольку они относятся к тем стержневым событиям, вокруг которых вертится очень многое. Мне вспоминается один случай, связанный с моим детством. Однажды я проснулся посреди ночи и, ощутив странное беспокойство, встал с постели и подошёл к окну. Ночь была лунной, тени от тополей падали на дорогу. И тогда я увидел волка, который бежал по улице вдоль нашего дома. Ни одна собака в деревне не залаяла. Наутро я рассказал об этом Вафа-бабаю.

– Будет война, – сказал он. – Если появился волк-лунатик,

жди войны.

А через пару недель деревенских мужчин забрали на Первую мировую войну. Говорят, так было и незадолго до начала русско-японской войны – сразу несколько человек видели, как волк-лунатик выбегает из Чёрного леса. Разумеется, этот волк не знал, что там в голове у русского императора, а тем более у японского. Но он знал тёмную, быструю воду, которая уносит мужчин, а взамен приносит их души.

В нашей деревне никогда не слышали о Порт-Артуре и не представляли, как выглядят японцы. Кое-кто утверждал, что видел японцев на картинках, и они похожи на Касима. Касим же, мужичок с быстрыми, проворными глазками, был этим сравнением очень недоволен. «А ты! Ты! – восклицал он запальчиво. – А ты сам, вообще, знаешь кто? Малаец, вот кто!» Почему в разряд неуважаемых народов вошли малайцы, объяснялось, по-видимому, тем, что слово «малаец» перекликалось со словом «малай» (что по-татарски означает «мальчик»), и потому, наверно, малайцы представлялись Касиму людьми незначительными и мелкими, ростом не выше десятилетнего мальчишки. Причину же начала войны видели в том, что русский царь поссорился с японским. А чего они не поделили, нам знать неведомо. Вопрос же о том – идти на войну или нет – в головах деревенских мужиков тогда ещё не возникал.

Прошло десять лет, и вновь пришло время мужчинам собираться на войну. Однако на этот раз было всё не так про-

сто. Пришедший в нашу деревню ишан Габдельвакиль утверждал, что татарам на эту войну идти нельзя. Он рассказывал, что Россия вместе Англией и Францией собирается воевать против Германии, союзником которой является Турция. Турецкий же султан объявил священную войну всем своим противникам, а следовательно, и России. И потому татары, как мусульмане, должны следовать воле турецкого султана, который, как известно, является предводителем мусульман всего мира. И потому, если они и пойдут на эту войну, то непременно должны перейти на сторону Германии и Турции и поддержать огонь священной войны.

Но деревенский мулла Гильметдин не разделял этого мнения. «Мало ли что в головах у чужеземных царей, – говорил он. – Они там не могут между собой договориться, а мы должны думать о себе. Турецкий султан далеко, а русский царь близко. К тому же в первую очередь мы должны слушаться нашего муфтия, который в Уфе, ведь именно он глава всех российских мусульман. А от него не было никаких указаний насчёт того, чтобы не идти на эту войну и тем более не было призыва поддержать джихад».

Однако мужчины не вникали во все эти разговоры. Они покинули деревню, совершенно не изменившись в лице, так же, как когда-то их предки покидали становища, чтобы совершить немыслимый конный переход с одного края Азии на другой. Я тогда был уже в возрасте, достаточном для того, чтобы понять событие в его полноте. Помню, что стоял

я возле нашей калитки, мимо проходили мужчины, и первым шёл Закария Камали. В его взоре была спокойная правота посвящённого. Он знал, что в любом случае вернётся. Не знал только, где сгниёт его тело, в Сербии или Восточной Пруссии.

И вот я опять, который уже раз пытаюсь завести речь о Халиле. И потому я оставляю Закарию Камали, который, не изменившись в лице, идёт навстречу своей смерти, и возвращаюсь к нему же, но десятию годами ранее. Придя домой после расправы над Кара-Саидом, Закария Камали решил усыновить младенца, которому помог явиться на свет с помощью своей сабли. У него к тому времени уже было трое детей, но где трое, там четверо, считали в нашей деревне, тем более Закария Камали уже был связан с этим младенцем своей саблей и ещё чем-то, чего по эту сторону существования никто не знает. Ханифа – его жена – без лишних слов приняла в семью мальчика, рождённого с помощью сабли, а потом – до ухода мужа на войну – родила ещё троих. Семь детей в то время считалось не так уж и много, детей рожали словно с запасом, учитывая, что кого-то обязательно унесёт отсюда тёмной страшной водой.

Итак, я вспоминаю Халила, один глаз его направлен на восток, другой в землю, он сидит, зарыв ноги в землю, и поёт странную песню, а точнее, это даже не песня, а нечто без слов, тягучее, идущее то ли из земли, то ли из детского нутра.

Со временем выяснилось, что Халил ходит к Чёрному лесу, а точнее на Поляну мёртвых, куда никто из детей ходить не решался.

А потом, я помню, мне было лет, наверно, семь, и был какой-то праздник, где собралась вся деревня. Люди выходили в центр круга и пели. И вот пришла пора петь Халилу. Ханифа-апа приподняла приёмного сына и поставила на табурет. Мальчик постоял немного, беспомощно озираясь, и запел. Он запел старую, протяжную песню о Чёрном лесу. В его пении было нечто такое, что во сто крат сильнее самой песни. Словно ему подпевали мёртвые из Чёрного леса, но самих мёртвых не было слышно.

Вся деревня слушала, замерев, его песню.

Я был ещё мал и не мог постичь всей глубины происходящего. И потому с любопытством озираясь. Я заметил, что все жители деревни плачут, плачут, как один. Слезы текли и по мужским щекам и по женским, по старческим морщинам и молодому румянцу. Кстати, и сам Халил не понимал, что происходит.

– Мама, почему все плачут? – спросил он потом у Ханифы-апа.

Она же, плача, только обнимала его и прижимала к себе.

Итак, у Халила обнаружился этот великий, страшный, необъяснимый дар. Он умел петь, как не может никто. Его голос покорял любую неукротимую душу, словно коня на колени ставил. Душа плакала, любила, взлетала, носилась с то-

го света на этот.

Сегодня я пытаюсь найти объяснение этому дару и думаю, что он связан с особенностью рождения Халила и тем, что он успел увидаться с матерью на том свете. Все встретятся с матерью после жизни. Но Халил видел свою мать ещё до жизни, и что успела передать её душа его душе, нам остаётся только гадать. Быть может, она не хотела разлучаться с сыном и попросила его приходить на Поляну мёртвых. И путь Халила пролегал теперь туда, где кроме голоса матери ещё тысячи голосов, каждый из которых говорит о чём-то своём.

Здесь рассказчик опять сделал паузу. Он посмотрел в окно, в несущуюся мимо абсолютную темноту, словно пытаясь там что-то разглядеть. Затем он вновь перевёл взгляд на меня. Его морщины в свете ночника выглядели резкими и глубокими.

– Вот что я хотел сказать. Нашему народу пришлось много страдать. Куда могла уйти эта вековая, тягучая боль? Она уходила в песни. У этих песен нет авторов, они словно рождались от свистящего ветра, и потому прогонять их – всё равно, что прогонять ветер. У нас, когда человек слушает протяжную народную песню – он почему-то плачет. Было бы понятно, если бы он жил за океаном и мучился ностальгией. Нет, он никуда не уезжал, но глаза его на мокром месте, а сердце вспахано чем-то, чего он и сам объяснить не может. И я скажу вам, что это очень редкое качество. Шотландец не заплачет, слушая свою волынку, американец тем более не

заплачет, слушая музыку кантри.

Рассказчик помолчал. Молчание было дольше обычного. Я не прерывал это молчание, поскольку знал, что прервать молчащего – тысячу раз бестактнее, чем прервать говорящего.

– Вы ещё не устали? – рассказчик посмотрел на меня.

– Нет, я весь во внимании.

– Я пускаюсь в рассуждения, а слушать рассуждения – это чаще всего пустое занятие. Что ж, я продолжу, хотя боюсь утомить вас.

В нашей деревне люди сродни песне. Каждая человеческая жизнь, хочет она того или нет, несёт в себе эту тягучую вековую боль и передаёт её следующему поколению. Предки связаны с нами, а мы связаны с потомками через эту боль и через Поляну мёртвых.

Хотя порой в нашей деревне случались истории весьма забавные. Я вспоминаю одну из них, случившуюся относительно недавно, а точнее в семидесятые годы. Как вы поняли, я уже давно не был в деревне, и этот случай дошёл до меня через сотни уст.

История о карточном гадании и малой нужде

Речь идёт об одном из наших деревенских юношей, которого зовут Халиулла Камалеев. Случилось так, что ему при-

шлось ехать в плацкартном вагоне скорого поезда, который мчал его в один из больших городов. Впереди маячило будущее, мерцали огни, жизнь была огромна и восхитительно непредсказуема. Юноша смотрел в окно, сердце его было наполнено ожиданием, спать не хотелось.

На одной из ночных остановок в вагон вошла группа цыган, внося с собой шум и запахи какой-то другой, вовсе незнакомой жизни. Их взгляды были недружественны, но Халиулла был ещё в той счастливой поре жизни, когда таким мелочам не придают значения. И потому он, будучи человеком воспитанным, уступил свою нижнюю полку пожилой толстой цыганке, которой на беду досталась верхняя полка, куда ей – с её весом и габаритами – забраться было невозможно. Этот поступок был шумно одобрен его новыми попутчиками. Вскоре попутчики знали друг друга по именам.

– Я тебе погадаю, – цыганка достала откуда-то из складок юбки колоду карт. Она видела чувство ожидания в глазах юноши и знала, как его разрешить.

Цыганка разложила карты. Но вскоре на её толстом морщинистом лице появилось выражение озабоченности.

– Что-то не так? – спросил юноша.

– Как сказать, – ответила цыганка. – Обычно я знаю, что говорить таким, как ты. Встретишь девушку, полюбишь, и она тебя будет любить и прочее. Но я не хочу тебя обманывать.

– Говорите как есть.

– С тобой произойдёт одно важное в твоей жизни событие. Ты встретишь своего деда. А ещё – ты будешь связан с ним посредством малой нужды.

– Но у меня нет деда!

– Так говорят карты.

В тот же год Халиулла отправился служить в армию. Ему пришлось служить в войсках, дислоцированных в Восточной Германии. Нам известно, что его воинская часть находилась на территории танкового полигона неподалёку от Берлина. В одну из летних ночей, во время каких-то нескончаемых учений, затеваемых командованием, произошло следующее.

Халиулла вышел из танка, остановившегося в каком-то тёмном незнакомом месте. Ночь приняла его, обдав спасительной прохладой. После душной, замкнутой внутренности танка, ночь казалась пугающе огромной. Вокруг угадывались силуэты сосен. Воздух был чужой, это был воздух чужой страны, к которому нельзя привыкнуть, но солдат, как известно, привыкает ко всему.

Халиулла снял шлем, утёр пот со лба и сделал несколько шагов в темноту, чтобы помочиться. Пустив перед собой журчащую, облегчительную струю, он заметил вдруг, что орошает некий тёмный предмет, в темноте напоминавший поставленный стоймя плоский камень. Сзади взревел двигатель, танк разворачивался, чтобы прямым ходом отправиться на базу.

– Эй, ты скоро там? – донеслось оттуда.

– Иду! – ответил Халиулла.

Свет фар переместился в ночи и остановился точно в том месте, куда он только что помочился. На камне была высечена надпись, и Халиулла узнал буквы старой татарской графики.

«Закария Камали. 1882–1915».

Несколько дней раздумий привели нашего героя к выводу о том, что это была могила его деда, который пропал без вести в Первую мировую войну.

Он смотрел в небеса, где облака медленно брели в сторону Мекки, затем переводил взор в собственную душу. И видел там одно и то же – надпись, выхваченную из темноты. Эти буквы теперь были высечены в нём, как на камне, и не давали жить. Он возненавидел свой детородный орган и мочился с трудом, словно совершая мучительный акт предательства.

Халиулла Камалеев дослужил свой срок, а служить, к счастью, ему оставалось совсем недолго, и вернулся домой. Он тут же снял военную форму с погонами «СА», в которой так любят щеголять вернувшиеся из армии ребята, и забросил её в угол. Одного взгляда было достаточно, чтобы разглядеть в нём некий надлом, некий разрушительный сдвиг. «Что случилось?» – спрашивали его домашние. – «Ничего», – отнекивался он. Ничто не радовало его, а деревенские девушки и вовсе выпали из поля его зрения, так как само продолжение рода вызывало у него чувство отторжения. Мочиться ему было всё трудней, лицо потемнело, и сама жизнь уже стала ка-

заться сплошной, нескончаемой пыткой. Так могло бы продолжаться бесконечно долго, но в конце концов Халиулла обратился к одному из деревенских стариков. Надо сказать, что в любые времена в нашей деревне найдётся мудрый старик, к которому можно обратиться за советом. В годы моей юности, как вы помните, таким стариком был Вафа-бабай. Тот же, к кому обратился Халиулла, наверняка, бегал когда-то со мной наперегонки среди цветущих одуванчиков и брызгался в меня тёплой водой нашей речки. Я не знаю его имени, поскольку не знаю – кого из моих сверстников с годами нашла мудрость.

Что же он посоветовал Халиулле Камалееву? Сходить на Поляну мёртвых и поговорить с дедом. Это, как вы понимаете, крайний случай, к нему прибегают очень редко, поскольку общаться с тем светом – дело тёмное, и не всякий отважится туда идти. Но куда деваться, если так случилось? Итак, однажды, после того, как солнце закатилось за один из наших холмов, Халиулла Камалеев отправился на Поляну мёртвых. Навстречу ему выступила целая толпа душ, и Халиулла громко назвал имя своего деда. Души расступились, на поляне остались только десять из них – они принадлежали тем, кого народ когда-то называл «несходящие с коней». Затем одна из них подошла к нашему герою – это была душа Закарии Камали.

Это моё предположение, я считаю, что было именно так. На самом же деле Халиулла Камалеев в это дело никого не

посвящал.

Никто с того света не возвращался, и потому никто не может рассказать о нём.

Тот же, кто говорил с тем светом, может рассказать о нём, но никогда не расскажет.

Халиулла Камалеев сказал только, что дед его простил.

На следующее утро несколько сельчан видели Халиуллу, и выглядел он немного странно. Он стоял в поле, рассказывали они, в том самом месте, где наша деревня и два её холма в рассветных лучах видны как на ладони. Халиулла несколько раз становился на колени и целовал землю. Никто не знает, было ли это связано с его дедом и разговором с ним, но всё было именно так – Халиулла целовал землю. Говорят также, что его видели и через несколько лет после этого случая, уже тогда, когда Халиулла был отцом счастливого и многочисленного семейства – он целовал землю.

Рассказчик опять замолчал, и я опять не перебивал его.

– Я заметил, что вы умеете слушать. Вот что я на это скажу. Есть люди, которые не перебивают говорящего. Есть люди, которые не перебивают молчащего. Но есть люди, которые умеют не перебивать мёртвых. Все те, о которых я рассказал и о которых ещё расскажу, относятся как раз к этому племени. Наша деревня, как вы поняли, весьма своеобразна. «Почему?» – спросите вы, ведь должна же быть этому причина. Ответить на этот вопрос не так просто, но я попробую,

мне хочется поделиться с вами соображениями о её происхождении.

Легенда о происхождении деревни

Есть в характере моего народа одна особенность. Это безысходность. И происходит она от места проживания. У нас нет гор, где можно спрятаться. Нет тайги, куда можно уйти и сгинуть без следа. Нет моря, где твой парус растает на горизонте, и никто не отыщет тебя в дальних странах. И живём мы давно уже не в степи, где можно доверить свою судьбу коню. Некуда бежать. Везде найдут. Везде поймают. Призовут к ответу. Приставят ко лбу ружьё. Потому-то и характер у нас такой. Хитрый. Изворотливый. Никогда не идущий на обострение.

Однако, я скажу вам, в нашей деревне дело обстояло не так просто. Глянешь в толпу, и всегда блеснёт в ней чей-нибудь отчаянный, непокорный взгляд. Есть несколько разных легенд о происхождении нашей деревни. Согласно одной из них, деревню основал Лотфулла Хасани, боец из отряда Бахтияра Канкаева — одного из полковников Емельяна Пугачёва. Некоторые утверждают, что Лотфулла Хасани и есть Бахтияр Канкаев, поскольку известно, что тот, спасаясь от царских войск, сгинул со своими людьми где-то в далёких селениях, и потому мог сменить имя. Однако Вафа-бабай придерживался другого мнения. Деревня была основана ещё до

восстания Емельки Пугачёва, утверждал он. А Лотфулла Хасани привёл сюда людей, уходя от насильственного крещения, устроенного в ту пору властями.

Говорят, Лотфулла Хасани искусно владел саблей. Например, он мог разрубить брошенный в него арбуз. Это несложно, скажет кто-то. Но дело в том, что Хасани успевал разрубить арбуз три раза. Один раз – справа по диагонали, другой раз – слева и третий раз – отвесно сверху вниз, завершая страшную серию. И сам чёрт не успевал заметить, как движется его сабля.

Итак, Лотфулла Хасани повёл доверившихся ему людей искать новое место для земного существования. Надо сказать, что людей увязалось с ним достаточно много. Порой путь их совпадал с движением облаков, что медленно брели в сторону Мекки, а порой они шли, преодолевая ветер, что мог свалить коня. Они совершали намаз под дождём, и дождь был столь обилен, что у самых лиц молящихся проплывали рыбы из близлежащих рек. Они познали засуху, ту самую, когда во рту нет слюны, чтобы плюнуть на своё прошлое. Их путь лежал вдоль болот, где по ночам выходят страшные кикиморы, которые душат человека своим хвостом. А случалось, что дорога уводила в лес, где живут лесные чудовища – шурале. Эти существа имеют свисающие до самых колен груди и длинные-предлинные пальцы, которыми могут защекотать человека до ледяного ужаса, и нет ничего более страшного, чем этот ужас, порождённый смехом.

Таким образом, Лотфулла Хасани водил своих людей несколько лет. Вафа-бабай утверждает, что он водил их семь лет, но в нашей деревне называют и другие цифры, однако теперь их уже никто проверить не может. Во время этого столь долгого путешествия люди не забывали любить друг друга – под покровом ночи ли, в тени ли столетних дубов можно было слышать торопливый шёпот и стон утоляемой страсти. Время от времени скрип повозки перекрывался криком новорождённого, порой же людям приходилось сделать остановку, чтобы похоронить умершего, – люди являлись на свет и уходили, ведь странствие не означает того, что жизнь остановилась.

А потом случилось следующее. Один из мужчин, которого звали Нурали Габбас, вдруг остановил коня. Небо над ним было заполнено летящими птицами.

– Я заметил, что мы идём по кругу, – сказал он. – Вот поляна, вот несколько деревьев вдалеке, а в небе кричат птицы. Мы здесь уже были, но стоянка наша была чуть в стороне. Зачем ты это делаешь, Лотфулла Хасани, зачем ты дурачишь нас? Лучше б мы никуда не уходили из своего дома. И вот, что я тебе скажу. Ты прохвост, Лотфулла Хасани.

Чем можно было ответить на подобные слова? Двое мужчин сошлись в жестоком поединке. Люди смотрели на это молча, поскольку вмешиваться было нельзя. На небе метались птицы, их было несметное количество, и кричали они пронзительными высокими голосами. Наконец, поединок за-

кончился. Нурали Габбас лежал поверженным у ног толпы. Голова его была рассечена тремя страшными сабельными ударами. Воина оплакали и похоронили, а птицы вверху кричали будто детскими голосами. Затем все двинулись дальше, по-прежнему сопровождаемые птичьими криками.

Той же ночью над лагерем стояла полная луна. Лотфулла Хасани ходил между спящими людьми и не находил себе места. Ему мерещилось, что луна кровоточит, рассечённая тремя страшными ударами.

– Не смотри на неё, – говорили ему, – закрой глаза и забудь.

– Не могу, – отвечал он. – Едва закрою глаза, она летит на меня, и я опять бью её саблей.

Так длилось несколько ночей. В то время в одном из селений, что пролегали на пути следования наших странников, проживал некий старик, к которому можно было обратиться за советом. Проведя очередную бессонную ночь, Лотфулла Хасани отправился к старику. Он нашёл его возле деревни, где тот пас деревенское стадо.

Старик внимательно его выслушал, помолчал, а затем сказал:

– Закрой глаза.

Лотфулла Хасани прикрыл веки.

– Что ты видишь? – спросил старик.

– Она опять мчится на меня, у неё есть лицо, оно рассечено три раза, а ещё я слышу страшный крик птиц.

Лотфулла Хасани открыл глаза и увидел перед собой старика, который держал в руках ягнёнка. Затем он вновь закрыл глаза и увидел мчащуюся на него луну. А когда открыл, перед ним стоял ягнёнок. И Лотфулла Хасани опять закрыл глаза. Луна уже не двигалась, рубленые раны на ней исчезали, а вскоре и сама луна стала бледнеть.

– Иди с миром, – услышал он голос старика. – Она будет твоим другом. Более того, она станет родиной твоих детей и потомков.

Лотфулла Хасани не понял последних слов, но поблагодарил старика и ушёл. Говорят, после этого он успокоился, и луна перестала его мучить. Он повёл людей дальше, и согласно легенде, через три луны они нашли то место, которое искали. С той-то поры и ведёт начало наша деревня.

Толковать эту легенду можно по-разному. Но вот что я хотел бы отметить. Ягнёнок здесь появляется не случайно. Это животное, которое приносят в жертву во время праздника Курбан-байрам. Нам намекают на то, что ради высокой цели необходимо жертвовать. Лотфулла Хасани, который испытывает страшную вину, получает прощение. Он убил, но он оправдан.

Вполне возможен следующий вопрос – почему Лотфулла Хасани так долго выбирал место для проживания? Я вижу здесь несколько причин.

Во-первых, не всякое место годилось для того, чтобы начать на нём новую жизнь. В то время, например, действовал

указ, изданный ещё царём Иваном Грозным, согласно которому татарам не разрешалось проживать в окрестностях Казани, а точнее – в радиусе сорока вёрст от города. Но вряд ли описываемый случай произошёл неподалёку от Казани, поскольку у Лотфуллы Хасани, как вы поняли, было множество причин скрываться от царских властей. В то время действовал и другой указ того же Ивана Грозного. Татары не имели права селиться вблизи Волги, и опять же было оговорено роковое расстояние, – оно составляло тридцать вёрст (добавлю, что это же касалось реки Камы – тридцать вёрст и реки Мёшы – десять вёрст). В легенде мы явственно слышим крик птиц. Голос этих птиц высок и пронзителен, и мы можем предположить, что это чайки. Следовательно, поединок происходил вблизи большой реки. И потому наши странники должны были отправиться дальше.

Во-вторых, я не сомневаюсь, что Лотфулла Хасани сознательно затягивал путешествие. В его поведении есть нечто, что сближает его с ветхозаветным Моисеем, который сорок лет вёл свой народ к земле обетованной. И в нашем сознании тотчас возникает лейтмотив этого странствия – пусть умрёт последний, кто был рождён в рабстве. Однако история о Лотфулле Хасани имеет свои особенности.

Вряд ли он считал своих соплеменников рабами. Но, наверняка, подозревал, что рабское начало в них уже забрезжило. И это рабское начало он связывал с оседлостью. Поскольку именно оседлость делала людей зависимыми. В ту

пору народ поднимался на отчаянные восстания, которые карались самым жестоким образом. Туда, где зрела смута, посылались войска, зачинщиков искать долго не надо, вот они где – в деревнях, а куда деревня денется, она не убежит вместе со своими избами, дымами, колодцами, мечетью, детворой, несущейся в облаках тополиного пуха, и стариками, дремлющими на лавочках. И вот печальный итог – деревня потоплена в крови, смутьяны казнены, а крестьянин поднимает взор к небу, и в глазах его вечное страдание и безысходность. И этот его беспомощный взор мы ещё поймаем через несколько веков: «Белые приходят – грабят, красные приходят – опять грабят. Куда крестьянину деваться?»

Чего желал Лотфулла Хасани? Чтобы люди вдохнули горизонта и ветра. Чтобы в них вновь разыграла кровь кочевых, недосыгаемых предков, когда вся надежда – на коня и саблю. «А ну, дети, попробуйте догнать татарина!.. И не пробуйте – вовеки не поймаете: у него конь быстрее моего Чёрта», – как вы помните, так говорил отчаянный смутьян Тарас Бульба. И потому те, кто шёл за Лотфуллой Хасани, слышали дикую музыку ветра, наблюдали чудовищно красивый горизонт, рассекаемый надвое хлыстом, их души заполнял топот копыт, и всё это умещалось в одном чувстве, в потрясающем, обескураживающем, сводящем с ума чувстве свободы.

Итак, как гласит легенда, через три луны место для новой жизни было найдено. Что это было за место? Два холма, что издали напоминают женскую грудь, рядом Чёрный лес и

небольшая речка, которую можно перейти вброд.

Это место было выбрано не случайно. Выше я делился с вами соображением о том, что в характере моего народа есть трагическая безысходность, и начало она ведёт от места проживания. Нет гор, где можно спрятаться. Нет тайги, куда можно уйти. Нет моря, где твой парус бесследно растаял бы в голубоватом мареве.

Думаю, что когда Лотфулла Хасани выбрал место для будущей деревни, в нём сидело вечное желание смельчака уйти от этой вездесущей, удручающей безысходности. Два холма были для него словно высокие горы, Чёрный лес был нескончаемой тайгой, а речка – безбрежным спасительным морем.

В тот день люди читали молитвы, ходили с одного холма на другой, глаза их были полны предчувствия, того ёмкого предчувствия, в котором умещалось не только собственное счастье, но счастье детей и потомков. Когда стемнело, зажгли костры, запели песни, эта ночь означала конец многолетних странствий, начало новой жизни, и люди долго не могли уснуть.

А затем кто-то спросил: «А как мы назовём нашу деревню?» Говорят, Лотфулла Хасани посмотрел на реку, где отражалась луна и, недолго думая, сказал: «Луна. Мы будем называть так и реку, и деревню». Почему он так сказал?

Он был застигнут великой правотой этого мгновения. Два холма, которые напоминают материнскую грудь, это наша земля. Странствия закончены, и они сделали нас сильными.

Наша песня восходит от самой души прямо к небесам. А там, в небесах, – луна, которая когда-то меня мучила, а теперь – друг.

Лотфулла Хасани ещё раз посмотрел на луну, на холмы, на лица людей, ещё раз произнёс имя деревни, и вдруг сердце его забилося, готовое выпрыгнуть. Он вспомнил слова старика: «Она станет родиной для тебя и твоих потомков».

И тогда он понял, что путь его был верен.

Так гласит легенда. Но есть и другие мнения о происхождении названия нашей деревни. Некоторые, например, утверждают, что деревня была так названа для того, чтобы подчеркнуть неприятие политики насильственной христианизации, творимой в ту пору властями. Название «Луна» звучало вызывающе, поскольку по-татарски слово «луна» имеет ещё и значение «полумесяц». Деревня маячила на карте как полумесяц на минарете, в то время как большинство мечетей в крае было разрушено согласно царскому указу.

Однако у меня есть ещё одна версия о происхождении названия деревни. Подозреваю, что человек, который так её назвал, будь то Лотфулла Хасани или кто-то другой, обладал даром предвидения, а быть может, обычной человеческой мудростью. Он знал, что жителей её будет бросать по всему свету с той неизбежностью, с какой приходит страшная тёмная вода и уносит отсюда мужчин. Но где бы ты ни был – в Германии или Сербии, Австралии или Венесуэле – ты всегда

можешь взглянуть в ночное небо и вспомнить. Твоя деревня – она не только в твоём сердце, но и в небе.

Я поведал историю о происхождении нашей деревни, хотя сначала было повёл речь о Халиле и его необъяснимом даре. В моём рассказе, хочу я этого или нет, возникают новые имена, некоторые из них так или иначе остаются в поле нашего зрения, а некоторые, появившись раз, больше уже не появляются. Этих имён всё больше, одно имя тянет за собой несколько других. У нас принято хранить в домах родословные своих семей – шаджара. Это ветхий, бережно оберегаемый лист бумаги, где расписаны твои родственные связи до седьмого колена или выше. Там ты увидишь себя, затем, следуя по тонкой линии вверх, найдёшь своего отца, а дальше – деда, и, восходя, словно к вершине пирамиды, обнаружишь основателя рода или пращура, которого можно считать таковым, имя которого мерцает из недостижимого прошлого. При этом ты переберёшь сотни побочных, знакомых и незнакомых тебе имён. Имена, обведённые кружочками, будут вставать перед тобой словно бесчисленные луны из темноты. Ткни в любую из них – и получишь страшную, кровоточащую и в то же время восхитительно красивую судьбу. Иди от неё влево, иди вправо, вверх, вниз, – тебе предстанут бесподобные жизни, влекущие одна другую из небытия бумаги. Ты можешь сказать – жил, понимаешь, когда-то некий Абдулкарим (после которого не осталось даже фотографии), ну что с того? А с того, отвечу я, что у него было, как минимум, два до-

стойных нашего внимания события – это рождение и смерть. И ещё у него была любовь, соседствующая со свистом хлыста, запахом пота, пыли, лошадиного навоза, но в то же время бросающая душу в небеса, так легко бросающая, словно стрижа под облако. А чем нам интересна его жена Махфуза, спросишь ты? А тем, отвечу я, что, истекая кровью, она познала великую суть материнства. И познала её с лихвой, поскольку детей надо было рожать много, с учётом того, что мужчин из нашей деревни унесёт отсюда страшной тёмной водой. Тем более что двое сыновей попадут под рекрутский набор и уйдут воевать против Наполеона, о котором никогда и не слыхали.

Подозреваю, что мой рассказ может пойти по этому руслу, – я всё время рискую вовлечь сюда новые персонажи, число которых множится, как в фамильной родословной. И потому мне приходится ограничивать себя, иначе я буду говорить бесконечно, словно перемещаясь вдоль и поперёк ветхого листа бумаги.

Рассказчик остановился. Очевидно, ему надо было перевести дух.

– Давайте ещё раз заварим чай. Вы знаете, чтобы рассказ получил другое качество, надо сменить сорт чая. Всё, что мы рассказываем, зависит от чая, который мы пьём.

Он достал из чемодана полотняный мешочек, завязанный тонкой тесёмкой.

– Сейчас я заварю другой чай. В нём есть лёгкий привкус

дыма, так как его сушат на кострах.

Он заварил чай, а затем, уже пробуя, произнёс:

– Ощути его вкус, и ты ощутишь вкус мгновения. Ты знаешь ёмкость мгновения, его скрытую тяжесть и красоту. Это, знаете ли, сродни вот чему. Наш поезд мчится в неизвестность, ты видишь за окном росчерк проносящихся перелесков. Но вот, представьте, поезд сделал неожиданную остановку, ты вышел из вагона в ночь – столь гулкую, столь непостижимую и огромную. Ты слышишь далёкие и близкие шорохи, чувствуешь запах сосновой смолы и земли, а из соседнего оврага пахнет сыростью, и ты догадываешься, что овраг этот столь глубок, аж дух захватывает.

Так вот. Я хочу сделать в моём рассказе остановку. Точнее, мне надо вернуться в ту самую точку, с которой начался этот рассказ, и там остановиться, чтобы вдохнуть того воздуха.

Итак, я стою на одном из холмов и называю имя своей любимой. Темнеет, Фатима отвечает мне с соседнего холма, мы спешим навстречу друг другу, я бегу вниз со своего холма, я падаю навстречу ей, а моё сердце в груди падает в сотню раз быстрее. А затем мы любим друг друга в высокой траве, меж двух холмов, там, где неподалёку журчит родник. Я зарываюсь в её грудь, что похожа на эти два холма, на которых расположена наша деревня, я хочу, чтобы она стала матерью моих детей. И вот – это то самое мгновение, которое имелось в виду, вот оно, я чувствую его вкус, оно пахнет кровью,

женщиной и смертью.

Мы настолько близки к смерти, что слышим, как поют мёртвые в Чёрном лесу.

Волк-лунатик теперь приходит в деревню каждую лунную ночь.

Идёт какая-то война, никто в деревне не знает, как её назвать, но позже её назовут гражданской.

Та страшная тёмная вода, которая уносила из деревни мужчин, теперь остановилась, вскипела и закрутилась в бешеной воронке. И мужчины погибают здесь же, никуда не уходя. И это гораздо страшнее – когда убивают рядом. В этом нет ни капли печали, что ощутима в осеннем горьком ветре, в этом есть лишь голая правда небытия.

Нам с моей любимой нечего бояться огласки наших отношений. Её отец умер от тифа, мой – на принудительных работах.

И потому мы любим друг друга словно в последний раз. Но это и есть последний раз. Я этого ещё не знаю, но она знает.

Фатима Сакаева. Я вспоминаю её в разном возрасте, поскольку в деревне дети растут бок о бок, – я помню её вплоть до самого последнего мгновения.

Фатима предстаёт передо мной ещё маленькой девочкой, когда мы спорили с ней, чей сон легче, а затем бросали сны на ветер. Сейчас, столько лет спустя, ветер приносит эти сны

обратно. Они полны знакомых тропинок, тополиного пуха, и ещё чего-то родного и полузабытого. А некоторые из них я не узнаю, но догадываюсь, что это сны маленькой девочки.

Она является мне в возрасте более старшем, когда дети обучаются грамоте. Я вижу её пишущую мелом на стене сарая: «Корова – животное. Лгать – нельзя. Жизнь – чудо».

Затем моя память преподносит её уже в возрасте начинающейся женственности. Она появляется в самом начале нашей улицы, она ещё далеко от меня, но душа моя возносится и падает, я успеваю сотню раз умереть и воскреснуть.

Но думаю, что этого лёгкого улетающего образа недостаточно, чтобы получить представление об этой женщине. И потому я вынужден рассказать о ней нечто большее, хотя опять рискую затеряться в дебрях её родословной.

Она обладала странным чутьём, она слышала больше, чем слышат другие, видела невидимое, предчувствовала появление гостя и покойника. В одну из лунных ночей несколько человек из нашей деревни стали свидетелями того, как она гладит волка-лунатика, который спокойно лежал у её ног. Говорят, это особое чутьё досталось ей от её прадеда Бату Сакаева.

Фамилия Сакаевых была знаменита на всю округу, и в первую очередь тем, что это была богатая купеческая династия. Её основатель Бату Сакаев разбогател на торговле чаем. Говорят, ему очень везло с самых первых его шагов в коммерции. Но это везение распространялось не только на

коммерцию.

С его именем в нашей деревне связано множество историй и легенд. Для начала я хочу вам рассказать три из них, все они произошли в годы его юности, кроме того, все они так или иначе связаны с его увлечением охотой – во всех трёх он или охотится, или идёт на охоту, или возвращается с неё. Итак, вот первая из них.

История номер один о Бату Сакаеве

Как-то раз Бату Сакаев возвращался с охоты. Он вышел из Чёрного леса и поднимался в деревню. Был знойный летний полдень, стояла сильная духота. И вдруг Бату краем глаза заметил некое движение справа. Взглянув туда, он увидел, что рядом с ним, словно наперегонки, движется копна сена. Человек, хоть раз встречавшийся с нечистой силой, знает, что настоящий ужас начинается не в крошечной темноте, а напротив, в ярком солнечном освещении. Итак, Бату увидел это странное явление. Вы, наверняка, думаете, он должен был зажмурить глаза и открыть вновь, не веря своим глазам. Или ущипнуть себя за ляжку, не доверяя сознанию, которое могло перепутать явь со сном. Но вы зря так думаете, поскольку наш герой был настоящий джигит и доверял своим зорким глазам и твёрдому уму. Он пошёл вправо наперекрест странному объекту, рассекая свой страх, словно высокую траву. Но копна при его приближении тотчас исчезла. Бату

прочитал молитву и направился в сторону деревни. Пройдя шагов двадцать, он заметил, что впереди его путь пересекает женщина. Вид её был странный: ростом была не выше полутора аршин, волосы её были черны, как воронье крыло, и распущены, платье на ней было до самой земли. Передвигалась она неестественно быстро для своего роста, платье скрадывало шаги, она словно плыла по раскалённому воздуху. Бату прибавил шаг, но женщина вдруг превратилась в облако пыли, которое, закрубившись осело на земле. Сзади послышался храп коня и скрип телеги. Юноша обернулся. В телеге ехал его сосед Яхья Атнагулов со своей сестрёнкой, сидевшей за его спиной.

– Вы её видели? – спросил Бату.

– Кого её? – не понял тот.

– Её.

Яхья Атнагулов удивлённо хмыкнул, хлестнул коня и поехал дальше. Бату посмотрел ему вслед. За телегой поднималась дорожная пыль. И тут Бату пришлось ещё раз помолиться. В телеге, за спиной Яхьи Атнагулова, сидела не его сестрёнка, а та самая женщина. Она смотрела юноше вслед сквозь дорожную пыль.

Вернувшись в деревню, Бату Сакаев рассказал всё как было. Сельчане слушали и цокали языками. Яхья Атнагулов уверял, что ехал в телеге один, а сестрёнка в этот момент работала в огороде, это подтвердили сразу несколько деревенских жителей, которые видели девочку.

Однако нашлись бывалые люди, которые смогли объяснить, что произошло. Бату Сакаеву повстречалось существо, которого зовут «албасты». Чаще всего оно предстаёт в виде женщины ростом не выше полутора аршин, но может появляться и в других образах. Это существо может прийти к человеку, когда тот спит, и задавить его, поэтому не случайно оно так и зовётся (по-татарски «ал» – перед, что подразумевает грудь, «басты» – наступать).

Албасты связан с твоим прошлым. Если албасты приходит, знай, что ты должен держать ответ за свои прошлые поступки. Вот умирают старики. Ты думаешь, их скосила болезнь? Знай, что многих из них задавил албасты, упав на спящего с потолка.

У каждого есть свой албасты. Если ты плохо спишь, и тебе кажется, что некая чёрная масса давит тебя, проникая сквозь тело в сон и дальше, в твоё чёрное прошлое, а порой и туда, куда тебе и хода нет – в прошлое твоих предков, – знай – это пришёл твой албасты. Ясно, что для молодого человека это существо менее опасно, чем для старика, детям же оно вовсе не может причинить вреда (здесь я замечу, что через несколько поколений в нашей деревне появится человек по имени Минлебай Атнагулов, который расстреляет своего албасты, но об этом позже).

Пожилые сельчане вспомнили историю, которая произошла полвека назад. Тогда поссорились два деревенских жителя – пастух Минвали и один старичок, имени которого уже

никто не помнил. Ссора возникла, кажется, из-за земли, но не это главное. Случилось так, что во время выяснения отношений пастух, разгорячившись, ударил старика. Что же тот предпринял в ответ? Ничего. Он умер. Скорее всего, причиной тому был даже не этот злополучный удар. Старик уже едва передвигал ноги и постоянно держался за сердце. А где-то через месяц произошло следующее.

Минвали пас деревенское стадо. В середине дня он, разморённый жарой, решил прилечь в тени раскидистой ивы и незаметно уснул. В это время от стада отделился бык, подошёл к пастуху и затеял с ним страшную игру: он подцепил его рогами, подбросил в воздух точно пёрышко, а затем опять же поймал на рога. Прибежавшие мужики – они неподалёку косили сено и видели эту картину – с трудом отвлекли быка и утихомирили. Минвали остался жив. Однако он полностью потерял память. Именно так и было – ещё здоровое тело, но памяти нет. Потом, через десяток лет, память вернулась, но тело уже никуда не годилось. Мужики же, рассказывая о том случае с быком, вспоминали подробности. Когда утихомиривали быка, среди стволов деревьев промелькнула женщина не выше полутора аршин ростом. Один из мужиков утверждал, что ещё до начала этой страшной сцены женщина подходила к быку и что-то шептала ему прямо в ухо.

Таким образом, не обязательно, что албасты рассчитается с тобой собственноручно, он может подговорить того, кто подвернётся под руку.

Но не всякий человек может видеть своего албасты, большинство видят его лишь перед смертью. Скорее всего, Бату Сакаев наделён даром видеть больше, чем другие. Маловероятно, что албасты хочет разделаться с ним, поскольку Бату ещё совсем юноша и не успел совершить никаких необратимых поступков.

Это говорит о том, что Бату Сакаеву дано многое, но он должен быть втройне внимателен на своём пути и соизмерять каждый свой шаг со своей совестью. Если же он использует свою способность во вред, ему придётся очень худо.

Это одна из историй, связанных с Бату Сакаевым. Другая история, в которой он замешан, произошла через год-другой после первой и тоже запомнилась в деревне, поскольку её рассказывали потом ещё через три поколения.

История номер два о Бату Сакаеве

В этой истории Бату Сакаев опять возвращается с охоты, что, как я упоминал, не удивительно. Стоял такой же знойный полдень, в небе не было ни облачка. Войти в нашу деревню можно с нескольких сторон, как вы знаете, она расположена на двух холмах. Бату же вошёл по тропинке меж двух холмов, там, где бьёт родник. Юноша подошёл к роднику, положил рядом ружьё и опустил горячую голову в студёную, быструю воду. И он увидел сон этой воды. Сон пробрал его до самых пят. Вынув из воды голову, он вдруг обнаружил

человека, который сидел позади него, привалившись спиной к стволу дерева. Незнакомец смотрел на Бату ни слова не говоря. Его взгляд ничего не выражал, морщины на загорелом лице были резки, словно высечены саблей. Бату опустил взор на воду и увидел, что вода не спит. Она проснулась. Затем юноша услышал, как в Чёрном лесу закричали мёртвые. Незнакомец так же, не отводя от него взора, встал и выпрямился. И тогда Бату схватил ружьё и выстрелил.

В тот день эта весть ходила из дома в дом. Бату убил человека, который пришёл попить из родника. Люди неодобрительно качали головами. Никто не хотел разговаривать на эту тему с самим Бату, поскольку тот, хотя и был молод, прекрасно владел саблей, стрелял без промаха и не прощал обидных слов. Вокруг него росло молчание, и куда бы он ни повернулся, его встречало молчание. И это молчание было столь сильным, что залетевшая в него птица падала мёртвой.

О чём же думал сам Бату? Когда стемнело, юноша лёг в постель и стал ждать своего албасты, поскольку знал, что тот непременно появится. Сердце его билось, готовое встретить неизбежность. Он прождал всю ночь. Затем рассвет прокрался в растворённое окно, послышалось пение первых птиц. Бату лежал неподвижно, уперев взор в потолок. Вскоре он увидел над собой паука, который, пробежав некоторое расстояние, завис прямо над его грудью. Любой житель нашей деревни знает, что албасты является человеку последний раз в образе паука, который, увеличившись до огромных

размеров, падает сверху на свою жертву. Однако ожидания Бату оказались напрасны. Паук, повисев над ним некоторое время, убежал куда-то в угол и пропал из виду. Юноша прочитал молитву и успокоился. И тут к нему пришло странное ощущение. Он вдруг осознал, что в ногах у него кто-то сидит, и это – та самая женщина не выше полутора аршин ростом. Дрожь пробрала его до самых кончиков пальцев, Бату лежал ни жив ни мёртв, боясь пошевелиться. Это продолжалось довольно долго, пока он не решился посмотреть ей прямо в лицо. Медленно, съдаемый одновременно ужасом и любопытством, он перевёл взор в изножье своей постели. И проснулся. В комнате никого не было. Утренний свет обжил пространство. Бату встал и подошёл к окну. Ветер шевелил верхушки деревьев. Возле сарая мелькнуло что-то тёмное и исчезло за плетнём. Это была та самая женщина не выше полутора аршин ростом.

Албасты его не тронул.

Наутро из соседней деревни пришли следующие известия. Там накануне было убито несколько человек, в том числе женщин и детей. Незнакомец, которого повстречал Бату, оказался безжалостным убийцей. Его жертвами становились те, кто приходит к роднику, а это, как правило, женщины. Он убил много людей по разным деревням. Говорят, злодей дьявольски виртуозно владел ножом. Он мог метнуть нож с двух десятков шагов и попасть жертве точно в глаз. Разумеется, встретив возле родника Бату, этот негодяй имел фору в

несколько секунд, но ему не повезло, что он встретил именно Бату. Такова вторая из известных мне историй о Бату Сакаеве.

Надо заметить, что все эти истории не сохранялись на бумаге, а передавались деревенскими жителями из уст в уста. Хотя последний случай зафиксирован в архиве уездной полиции, кроме того, о нём упоминает газета «Волжский вестник», откуда мы можем узнать, что «Сего 1842 года, июня 29-го, жителем деревни Луна Бату Сакаевым был застрелен известный душегуб Хамди Вадас». Разумеется, эти скудные строчки не дают нам никакой полноты картины, и мы можем почерпнуть отсюда лишь то, что некий Бату Сакаев выстрелил достаточно успешно.

Так же скупно выглядит, например, известие, напечатанное в той же газете десятью годами ранее: «Сего года, октября 14-го, крестьянами деревни Луна был забит до смерти известный конокрад Валюшка Взвесь». Что мы можем вынести из этого короткого сообщения? Мы ощутим в душе чувство сострадания и некий неприятный осадок, который оставляет после себя факт любого самосуда. Однако если посмотреть на этот случай из самой деревни Луна, то он может предстать перед нами совершенно в другом свете.

Личность конокрада порой окутана ореолом романтизма. Но зададим следующий вопрос. Что означал конь для деревенского жителя? Обидно назвать его средством передвиже-

ния. Во время пахоты его пот орошает землю вместе с твоим, и вы равны в своём поте. Это друг, с ним можно говорить, он тебя поймёт, он встретит тебя радостным ржанием с другого конца поля. Это часть твоего сердца. А как поступить с тем, кто украл столь близкое тебе существо, а потом ещё и продал его неизвестно куда? И потому в случае поимки конокрада никаких переговоров быть не могло, и конец негодя был предreshён.

Недавно мне попалась на глаза одна фотография, что украшала обложку известного советского журнала. На ней запечатлён деревенский мужик, который держит в руках гармонь. Его лицо иссечено морщинами, оно обветрено лютыми ветрами, это грубое лицо. На нём мятый пиджачок, какой носят в деревнях по праздникам. На груди – медали с войны. Мужик улыбается, но в глубине его взгляда я угадываю вечное страдание, в котором – та страшная тёмная вода, уносящая из деревни мужчин. Мне знакомы эти глаза, которые тысячи раз поднимались к небу – некуда бежать, а надо выжить. Мне знакомы эти руки на планках гармони, руки, жившие в земле, и потому ставшие как корни деревьев. Мне знакомы эти уши, грубые, несуразные, как лопухи, но чуткие, слышащие голоса мёртвых.

А рядом с ним – морда коня. А кого вы ещё ожидали увидеть рядом?

Более того, между любым жителем нашей деревни и конём есть таинственная, сакральная связь, что живёт ещё с

тех далёких времён, когда вся надежда была лишь на коня, и которая запечатлена в словах Тараса Бульбы: «А ну, дети, попробуйте догнать татарина!.. И не пробуйте – вовеки не поймаете: у него конь быстрее моего Чёрта».

И потому конокрад – это человек, который пришёл украсть у тебя свободу.

Надеюсь, мне удалось объяснить вам мотивы поведения крестьян, забивающих кольями конокрада по кличке Валушка Взвесь? Увы, я опять отошёл в сторону от основной линии моего рассказа, и этот уход был затеян с единственной целью – убедить вас в том, что какое бы то ни было документальное изложение событий, случившихся в нашей деревне, не даст нам о них полного представления. Что же касается множества историй, передаваемых из поколения в поколение, – их можно назвать летописью, написанной в душах. Разумеется, здесь мы тоже можем получить некое искажение действия. Если в реальности мы видим деревенскую улицу, в конце её – речку, то в легенде или истории улица может не вывести на речку, а привести к мечети. Там действуют другие законы, пространство может искривляться, заворачиваться, а иногда и вовсе перейти в лошадиное ржание. Крик может превратиться в птицу, слово может стать змеёй, а песня – преобразиться в огонь, отражённый в волчьем зрачке. Тем не менее истории, передаваемые устно, для нас более достоверны, поскольку именно по ним мы можем судить о тайной сердцевине событий.

И потому я перехожу к следующей истории о Бату Сакаеве, к той, где он увлечён процессом охоты. Как вы помните, я обещал рассказать три истории, связанные с его увлечением, и эта будет третьей.

История номер три о Бату Сакаеве

Однажды Бату, охотясь, увлёкся и, забыв себя и, соответственно, потеряв ощущение пространства, ушёл далеко от деревни. Ушёл так далеко, что попал в совсем ему незнакомую местность. Там он опять обрёл ощущение пространства, но пространство было другим – по пути ему стали попадаться чайки, и это означало, что где-то недалеко большая река. И впрямь наш герой прошагал столько, что добрался до берега Камы. Охотничий азарт привёл Бату на территорию, о которой ходила недобрая слава. Это были владения одного жестокого помещика. Говорили, что он ужасно обращается со своими крестьянами. Будучи человеком, не лишённым воображения, этот злодей изобрёл множество страшных наказаний для тех, кто чем-то ему не угодил. Например, он приглашал свою жертву в баню и там со своими подручными парил его вениками до тех пор, пока несчастный не отдавал Богу душу. Известно также, что злодей имел собственную тюрьму, где томилось множество невольников, по разным причинам вызвавших неудовольствие хозяина.

Люди из близлежащих селений уверяли, что кое-кто ви-

дел, как барин ест по ночам огонь. Другие утверждали, что сами были свидетелями случая, когда барин зашёл за ствол сосны и оттуда тотчас вылетел филин, сам же барин как сквозь землю провалился.

Образ оборотня, которым наделила его людская молва, вполне соответствовал этому человеку. Но главное его превращение заключалось в следующем. Представьте себе – находясь в прекрасных отношениях со своими соседями, имея светские манеры, делая щедрые пожертвования в пользу богоугодных заведений – он по ночам становился пиратом и грабил баржи, проходящие по Каме вблизи его земли. Известно, что для этих целей под его началом действовала разношёрстная банда, в которую входили беглые каторжники, приبلудившиеся разбойники, а также кое-кто из дворовых, кому эта тёмная дорога была по душе.

Не заметили ли вы лёгкого облачка романтизма, витающего над этой личностью? Но я спешу развеять его, так же, как и в случае с конокрадом. Я уже упоминал, что этот помещик жестоко обращался со своими крестьянами. Теперь надо сказать о правилах, которые он ввёл на территории своего поместья. Одно из них состояло в том, что всякий, кто попадётся ему на пути, должен тотчас встать на колени. И это правило выполнялось неукоснительно, поскольку люди подверглись жестокому воспитанию. Вот что придумал этот негодяй. Он вызывал кого-либо к себе в дом и встречал пришедшего странным образом, а именно, стоя спиной к нему. Затем,

так же не оборачиваясь, приказывал подойти ближе. Пришедший подходил ближе, к самой его спине. А затем происходило следующее. Барин резко, не глядя, разворачивался и – саблей, которая прежде была не видна, делал молниеносный, горизонтальный удар вровень с шеей пришедшего. Если человек был на коленях, клинок проносился над его головой, бросая страшный отблеск на лепной потолок. Если же человек стоял на ногах, то в следующее мгновение его голова катилась под стол, а тело, помедлив и словно осознав свою ненужность, с шумом падало на пол.

Оставшиеся после этого в живых всегда теперь поспешно вставали на колени, вставали не только завидев барина, но даже подумав о нём – настолько серьёзен был перенесённый опыт. А мёртвым этот опыт был уже не нужен. Им, как известно, не нужен никакой опыт. Единственное, из чего они могли бы извлечь пользу, – это умирание, но то что делается в жизни всего один раз, не годится для опыта.

Узнав, что некий чужой человек охотится на его территории, помещик был просто взбешён и приказал, чтобы этого нарушителя незамедлительно привели к нему. Бату уже к этому времени был схвачен его людьми, которые, как вы помните, хаживали со своим баринком по одной тёмной дорожке.

И вот нашего героя привели к дому хозяина поместья. Его сопровождающие ничего не говорили ему, лишь ухмылялись, зная, какая уготована чужаку судьба. Однако один

из них, в ком до конца не умерла совесть, пожалел юношу и доверительно сообщил ему, что когда барин попросит подойти ближе, надо подойти и немедленно встать на колени, а лучше всего подползти к нему уже на коленях – так будет безопаснее. И тогда, по крайней мере, у тебя будет надежда на спасение. Бату поблагодарил человека, который выразил к нему неожиданное соучастие, и зашёл в отворённые двери.

Его взору открылся большой зал с высокими окнами, в середине его спиной к вошедшему стоял хозяин. На нём был тёмный до пола плащ, какой скрывает и человека, и его намерения. Бату остановился, не решаясь идти дальше. Хозяин по-прежнему стоял спиной к нему и молчал. Очевидно, ему нравилось собственное молчание. Он растил его здесь словно дерево – молчание, которое для многих стало прологом к тому существованию, где уже не говорят.

– Подойди ко мне, – наконец раздался его чёткий и властный голос.

Бату сделал несколько шагов вперёд.

– Ближе, – опять потребовал хозяин.

Бату подошёл к самой его спине и остановился. Снова воцарилось молчание, и Бату пытался понять его. И когда понял, тотчас сделал шаг вправо.

А в следующее мгновение рядом с ним, едва не задев плечо, отвесно сверху вниз промелькнул клинок и, не найдя сопротивления, ударился о каменный пол. Звук металла о камень разбудил тишину и, множась, гулко заметался по углам

зала. Спектакль смерти, столь хорошо подготовленный, на этот раз провалился, и виновником этого провала был Бату. Хозяин намеревался убить его, не оставив никаких шансов. Он хотел рассечь его надвое, вдоль – от темени до паха, невзирая даже на то, стоит чужак на коленях или нет. Очевидно, Бату вызвал в нём такую неприязнь, что он даже не захотел преподать ему урок послушания, который сгодился бы только на том свете.

Осознав, что пришедший остался жив и тем более так и не встал на колени, барин пришёл в великую ярость. Он крикнул своих людей и приказал заключить чужака в тюрьму, решив, что смерть от сабли покажется ему счастьем по сравнению с медленной смертью от голода.

Бату оказался в тёмном, сыром подвале, где в соседних клетях уже доживали свой короткий век такие же несчастные, как он сам. Юноша оглядел стены своей темницы, вдохнул этот воздух и понял, что здесь уже не имеет значения ни твоя сила, ни твоя воля – всё сгинет в неизвестности и мраке.

Но у Всевышнего всегда свои планы насчёт каждого из нас. В ту же ночь, по счастливой случайности для нашего героя, злодей-барин был схвачен правительственными войсками. А вскоре вместе со своей шайкой предстал перед судом. Его отправили на каторжные работы в Сибирь, где, говорят, он долго не проработал. Злодей барин погиб при загадочных обстоятельствах – он утонул в одной из тамошних рек. Именно так завершилась его земная дорога – грабил на

одной реке, нашёл возмездие на другой. «Вода везде найдёт себе дорогу. А судьба найдёт тебя», – так любил говорить Вафа-бабай.

Если пристально взглядеться в эту историю, можно обнаружить некоторые факты, имевшие место в действительности. Известно, например, что на Каме одно время разбойничал капитан Норматский, помещик, владелец деревни Шуран, отличавшийся крайней жестокостью к своим крестьянам. Кстати, этот же помещик стал прототипом одного из персонажей романа Бестужева-Марлинского «Латник». Однако здесь мы заметим некоторые расхождения во времени. Злодейства уездного пирата приходятся на царствование Екатерины II, истории же, связанные с Бату Сакаевым, должны были произойти позднее как минимум на сто лет.

Но, как я уже говорил, наши деревенские истории имеют свои законы. Здесь всегда есть элемент волшебства, здесь может возникнуть и вовсе несуществующий персонаж. В этом нет ничего странного. Например, там, в реальности, живут два человека и любят друг друга, а затем в том же пространстве вдруг возникает маленький третий, тот, кого прежде вовсе не было. И потому я спрашиваю вас: «Где больше волшебства – в легенде или реальности?»

Мне же в этой истории о злодее-пирате интересно следующее – тот самый момент, когда Бату удаётся уйти из-под страшного удара. Я уже делился мыслями о моём народе,

суть и характер которого связаны с местом проживания. Вокруг – ни гор, ни моря, ни тайги. Некуда бежать, негде спрятаться. Везде найдут, везде поймают, и ты предстанешь перед своей смертью, имея для спасения единственную возможность – встать на колени. Встань – чего тебе стоит! Перемести тяжесть тела немного вперёд, расслабь мышцы ног – и тело само примет нужное положение.

Но... Мой народ удивительным образом, следуя одному ему известному чутью, делает шаг в сторону, и смертоносный клинок проносится мимо, и вновь, который уже раз найден немыслимый третий вариант между рабством и небытием.

Вы можете сказать, что я трактую легенду так, как мне удобно. Что ж, может быть.

Мне кажется, вы уже устали от моих обобщений и рассуждений, кроме того я опять ловлю себя на том, что ушёл от главной линии моего повествования, но таковы наши деревенские истории, они отвлекают внимание на себя, в них есть тайная сердцевина, которая порой важнее линии сюжета. Некоторое время назад, начав рассказывать о Халиле, я неожиданно для себя поведал о совершенно других людях. Сейчас же, надеясь рассказать о Фатиме Сакаевой, я опять словно творю нескончаемую предысторию, а не сам рассказ. Тем не менее хочется продолжить разговор о прадеде Фатимы. Во мне постоянно живёт это желание – довести наши деревенские истории до слушателя, и я знаю, откуда оно про-

израстает, я всегда боюсь, что они так и останутся лишь на устах наших сельчан, и никто больше о них не услышит. Должен же кто-то, наконец, запечатлеть их на каком-либо носителе – будь то магнитная лента, бумага или ещё что-то. Кто знает, захотят ли уста следующих поколений принять то, что так легко принимали уста поколений предыдущих?

Несколько штрихов, завершающих портрет Бату Сакаева

Бату Сакаев был из тех, про которых говорят: он может плыть дальше воды, говорить дальше слова и думать дальше мысли.

Вот бык остановился на пригорке возле стада коров. Посмотрите – несколько мгновений он стоит, наострив уши и ощупывая ноздрями воздух. Затем бык заходит в стадо и подходит именно к той корове, которой это надо именно сейчас. Он выбирает её безошибочно среди нескольких десятков других.

Таким же чутьём обладал и Бату, и это чутьё относилось вообще к жизни. Он всегда оказывался там, где надо. Как я уже упоминал, он разбогател на торговле чаем – чутьё не подвело его и здесь, не знаю – на какой пригорок он взошёл, быть может, на один из наших холмов, но он учуял этот терпкий запах, доносящийся из далёкого Китая.

Начав дело с мелких закупок, он наладил дело с поставка-

ми из самой Поднебесной империи, избавившись от десятка посредников. Прошло лет, наверно, восемь или десять, – это не столь важно, но в любом случае это очень короткий срок, чтобы так развернуть дело, – и Бату Сакаев стал одним из самых преуспевающих купцов в наших краях.

Известно, например, что кроме крупной оптовой торговли он имел множество магазинов и чайных в самых разных городах, лотки на Макарьевской ярмарке в Нижнем, а также на Сенном и Ташаякском базарах в Казани. К слову, у нас в деревне тоже был магазин Сакаевых, были они и в соседних деревнях.

Нам интересно вот что. Бату Сакаев не переехал жить в город, как другие разбогатевшие купцы. Поначалу он не появлялся в деревне годами, но со временем ему удалось так наладить дело, что сельчане могли видеть его всё чаще. Разумеется, его дом выделялся среди других. Бату не видел причин скрывать своё богатство.

Я привёл известные нам об этом человеке факты. Теперь же мне хочется сместиться и в ту область, в которой мы уже чувствуем себя вполне уверенно – в область наших деревенских историй и легенд. Надо сказать, что в этом отношении Бату Сакаев – человек, о котором вспоминают чаще всего. Соперничать с ним может разве что Лотфулла Хасани, и то лишь в самых красноречивых устах.

Я уже говорил о том, что деревенская история может совпадать с реальным фактом, а может и расходиться. Людская

молва утверждает, например, что Бату Сакаев имел трёх жён. Быть может, так оно и было, если взять способность Бату поспевать везде, где надо, а также его финансовое благополучие. К тому же, если мы возьмём статистические справочники тех лет, мы узнаем, что в 1866 году в Казанской губернии число татар, имеющих три жены, составляло 0,2 процента. Почему бы не предположить, что Бату Сакаев входил в число этих счастливицов?

Говорят также об одной странности этого купца. В начале коммерческой деятельности ему приходилось налаживать связи и сопровождать грузы. И потому он преодолевал огромные расстояния – его пути проходили через Поднебесную империю и дальневосточный город Кяхта, он вдыхал воздух Монголии и Восточного Туркестана, его сапоги ступали по мостовым Самарканда и Хорезма, он считался своим в районе Чилонзар в Ташкенте и в Сеитовой слободе в Оренбурге. Как известно, чай проходит процесс сушки, а лишь потом достаётся оптовикам. Бату Сакаев же почему-то сушил чай ещё раз. В пути следования обоза он вдруг приказывал всем остановиться. Затем его работники высыпали чай из мешков на расстеленную парусину. После чего чай был доступен степному солнцу и ветру.

Люди считали, что купец слишком мнителен, чай и так вполне сухой. Кроме того, это ненужные затраты времени, а следовательно и денег. Но Бату Сакаев был непреклонен. Можно оценивать его действия по-разному. Чай и впрямь

мог быть недосушен, он мог прежде храниться в помещениях с высокой влажностью и прочее. Однако я имею своё мнение по этому поводу.

Бату Сакаев останавливал обоз в особых местах – в местах кочевий его свободных предков. Я отчётливо представляю его – вот он сходит с подводы, смотрит на горизонт, вдыхает степной ветер. Здесь его предка нельзя было догнать, поскольку «конь у него быстрее Чёрта». Мне понятен замысел Бату: чай должен впитать в себя горизонт и дикую музыку ветра.

Чай – особая субстанция, которой дана память. В этой памяти – запахи, дымы, ветра. Человек, пробуя чай, вспоминает то, что помнит чай.

Чай Бату Сакаева пользовался большой популярностью в Казани и вообще в нашем крае. Известно, что именно этот чай пили имам-хатиб первой соборной мечети Шигабуддин Марджани, а также основатель медресе «Мухамадия» Галимджан Баруди. Я не осмелюсь предположить, что чай Бату Сакаева повлиял на моих соплеменников настолько, что именно с ним надо связывать процесс духовного возрождения нации и золотой век татарской культуры. Но следует отметить, что этим процессам предшествовало приобщение народа к этому напитку.

Чай Бату Сакаева пили во многих домах. Люди делали пару глотков и вспоминали о свободе. Но ощущение свободы может свести с ума горячие головы. И потому свободу при-

глушали молоком. Вы, наверно, знаете, что так повелось издавна – чай у нас пьют большей частью с молоком или сливками (так же пьют чай и англичане, но у них на то свои причины, рассуждать о которых я не берусь, мне достаточно моих соплеменников). И, быть может, в этом – золотая середина, крайности до добра не доводят.

Из рассказов о Бату Сакаеве мы узнаём также о том, что он был способен на экстравагантные выходки. Например, из той же газеты «Волжский вестник» за 1898 год нам становится известно, что «купец первой гильдии уважаемый аксакал Бату Сакаев совершил вчера хулиганскую выходку в районе улицы Захарьевской. Войдя в магазин с ружьём, он неожиданно открыл пальбу, приведя тем в неописуемый ужас продавцов и покупателей». Событие это и впрямь выглядит странно, однако если мы проявим настойчивость и заглянем в архивы полицейской жандармерии, мы сможем узнать некоторые детали этого дела. Во-первых, что это был за магазин? Это был казённый магазин, где продавали водку. Во вторых. Наш уважаемый аксакал не просто открыл беспорядочную стрельбу. Объектом его стрельбы стали бутылки, стоящие на прилавках – он стрелял по ним на точность, как стреляют в тире. Обратим также внимание на название улицы. Захарьевская улица находилась тогда в районе Татарской слободы в Казани, где большей частью жили соплеменники нашего героя.

Теперь опять сместимся в область наших деревенских ис-

торий. Здесь Бату Сакаев предстаёт перед нами с фразой на устах. Звучит она так: «Водка ничего не помнит». Эти слова он любил повторять ближе к концу жизни. Нам вполне понятен их смысл. Чай помнит о свободе. Водка не помнит ничего.

Во времена моей юности мне попала в руки одна из конторских книг Бату Сакаева. На одной из страниц, сбоку от столбиков цифр, я обнаружил надпись: «Саженец поливают водой, человеческую вину поливают водкой». Думаю, что купец имел в виду следующее. После пьянки в человеке поселяется чувство вины. И чем человек совестливее, тем большую вину он испытывает. В нём живёт комплекс второсортности, он заведомо тебе обязан. Из него можно вить верёвки. Он всё снесёт – с покорной, рабской ущербностью в глазах. Не забывай только поливать его вину, не то она высохнет, как саженец.

К разряду экстравагантных следует отнести и следующую выходку Бату Сакаева. Он участвовал в революции 1905 года. В связи с этим его фамилия частенько упоминается опять же в архивах полицейской жандармерии. Его видели среди организаторов волнений в Казани, и здесь перед нами предстаёт выживший из ума старик, неразлучный со своим ружьём. Следует отметить, что тогда он уже переступил восьмидесятилетний рубеж и жить ему оставалось от силы год. Но если пристальней всмотреться в этот факт и задаться вопросом: «Что за навязчивая идея погнала на баррикады ста-

рика, чьё состояние оценивалось тогда баснословными цифрами?», – мы заметим здесь тайную, вековую подоплёку событий. Пролистнём страницы российской истории. «Страшный, бессмысленный и жестокий русский бунт» всегда подерживался татарами. В головах моих угнетённых соплеменников жила мысль о свободе, и часть из них без оглядки следовала за теми, кто обещал её – будь то Степан Разин, Емельян Пугачёв или Владимир Ленин. Мысль о свободе всегда затмевала собой мысль о кровавой расплате – и потому теперь мы поймём старика Бату Сакаева, спешащего на баррикады с ружьём в дрожащих руках.

А теперь мы оставим Бату Сакаева в пору его старости, подозреваю, что рассказы о старцах не так интересны, сколь экстравагантны ни были бы их поступки, и возвращаемся к нему же, но в пору его силы.

История номер четыре о Бату Сакаеве, или История о неслыханном обмене

Для того чтобы продолжить повествование, мне надо напомнить вам о следующем нашем персонаже, с которым мы уже, кстати, встречались. Это Яхья Атнагулов – не только современник Бату, но его одноклассник, сосед, и самое главное – злейший завистник. Он возникает в нашем рассказе словно икота, от которой не спрячешься, но которая имеет свой срок.

Про кого-то говорят: «Он выйдет сухим из воды». Про Яхью Атнагулова говорили: «Он выйдет мокрым из воздуха». Быть может, это был намёк на то, что человек ужасно потеет. Замечу, что в деревне этот факт никого не раздражает, там мало пространств, где запаху некуда деваться. Мне думается, в этих словах была заключена суть Яхьи Атнагулова. Всё у него шло не так, как надо. Ему постоянно не везло. Везде, где бы он ни появился, возникал тяжёлый дух, в основе которого лежала претензия ко всему сущему.

А ещё про него говорили: «Он ложится с птицами, а встаёт с рыбами». В нашей деревне никто не знал, когда встают рыбы, поскольку их не слышно, также никто не знал, когда встаёт Яхья Атнагулов. Его никогда не видели среди тех, кто, подсвеченный утренней зарёй, работает в поле.

Его претензии были очень разнообразны. Например, когда на стол подавали курицу, он всегда требовал ногу и непременно правую. Известно также, что ел он двумя ложками, и правая при этом не поспевала за левой.

Яхья Атнагулов жил в тёмной, покосившейся избе на краю деревни и был женат на злой, некрасивой женщине, с которой его связывала лишь всё та же претензия к белому свету. Они даже были похожи, похожи скорее не лицом, а подозрительным прищуром во взгляде, которым они ошупывали всякого прохожего.

Был тот час, когда человек короче своей тени. Солнце уже готово было спрятаться за Чёрным лесом. В простран-

стве, наполненном косыми закатными лучами, тополиным пухом и криками ребятни, всё явственней начал проступать гул множества копыт, мычание, блеяние. Возвращалось деревенское стадо. Надо сказать, что возвращение домой стада – это целый спектакль, который повторяется изо дня в день, но никогда не надоест. Люди встречают своих животных, по которым за день уже успели соскучиться. Сельчане стоят, каждый возле своих ворот, многие выходят целыми семьями, их лица полны ожидания, заботы и тёплого света. Стадо появляется в начале улицы в облаках подсвеченной закатными лучами пыли. Животные тоже соскучились по своим хозяевам и тоже торопятся домой. Впереди бегут овцы, как существа совершенно бесхитростные, они не скрывают своих чувств. Коровы шествуют не торопясь, с грациозным достоинством, они знают, что их ждут и любят, и ничего страшного, если их подождут – будут любить ещё больше. Самыми последними идут телята. Они идут вразброд, отстают, теряются в примыкающих улицах, пытаются съесть деревца по обочинам, – но с них, как известно, спроса нет, у них ещё неустоявшееся «мировоззрение».

Животные разошлись по дворам, тени выросли ещё длинней. На улице остались одни мужчины, поскольку женщины ушли доить коров. Бату Сакаев сидел на брёвнах, что были сложены напротив его дома. Он тоже любил этот ежедневный спектакль и не спешил уйти, покинув тёплый воздух, пронизанный тенями, шорохами, закатным ветром.

Яхья Атнагулов был в тот вечер особенно недоволен. Что послужило тому причиной, никто не знает. Но это и не столь важно. Случилось следующее. Он подошёл прямо к Бату Сакаеву и посмотрел тому в лицо. В его взоре было столько ненависти, что самый сильный конь упал бы на колени, не в силах её нести.

– Почему тебе всё, а мне ничего? – спросил Яхья Атнагулов.

Бату Сакаев помолчал, а потом ответил:

– Не нам с тобой это решать.

И тогда Яхья Атнагулов плюнул ему под ноги. Это был очень дурной знак, когда тебе плюют на дорогу, и, быть может, это было даже оскорбительней удара по лицу. Бату тотчас вскочил и бросился на своего обидчика. Присутствующие при этом мужчины попытались его успокоить.

Бату пожелал, чтобы они разобрались, как подобает мужчинам. Все вокруг одобрительно закивали головами. Ничто не решит спор лучше, чем сабля.

Но один из мужчин вдруг сказал, что это будет нечестно: Бату Сакаев прекрасно владеет любым видом оружия, и потому Яхья Атнагулов заведомо обречён. Он сроду не держал в руках оружия. Единственное, чем он владеет – это ложками, ими он работает отменно, никакой пельмень не уйдёт из его тарелки. Так же, как Бату Сакаев может драться двумя саблями или стрелять с двух рук, так же виртуозно Яхья Атнагулов умеет есть двумя ложками. Но в данном случае это

умение ему не пригодится. И потому всё это единоборство не имеет смысла.

Бату Сакаев вынужден был признать правоту этих слов и отошёл в сторону, стараясь успокоиться. Его противник же принял происшедшее как победу. Он дал волю своему презрению и опять твердил о великой несправедливости, которая разделяет людей на бедных и богатых.

– Чего же ты хочешь? – спросил у него кто-то из мужчин.

Яхья Атнагулов подумал и, не найдя ответа, опять плюнул в сторону Бату Сакаева. И тогда Бату совершил поступок, о котором в нашей деревне вспоминали ещё через несколько поколений.

Он посмотрел в глаза своему обидчику и предложил ему совершить обмен.

– Я отдаю тебе всё, что имею, – сказал Бату. – Я отдаю тебе моё настоящее и будущее. Единственное, что я не могу тебе отдать – это моё прошлое. Мы не можем поменяться прошлым так же, как снами. Всё остальное подлежит обмену.

Яхья Атнагулов согласился. Деревенские мужчины, ставшие свидетелями этого соглашения, рассказывали, что так всё и было. Затем позвали муллу, который прочитал молитву. Обмен состоялся.

Бату отправился в покосившуюся избу Яхьи Атнагулова, где его встретили всеобщее запустение, а также угрюмая, некрасивая женщина с претензией в глазах. В окне был виден огород, сплошь заросший лопухами и жёлтыми, как за-

висть, цветами одуванчика. А на полу всюду валялись куриные кости, их обглодали столь же мастерски, как время, которое съедает у человека мясо, оставляя лишь хрупкие кости да годы.

Яхья Атнагулов же вошёл в просторный дом Бату Сакаева, где в разных комнатах ждали своего хозяина три жены, а на столе чуть дымился и подрагивал пузатый самовар. Над столом плавал запах свежезаваренного чая, того самого, который помнил запахи предыдущих жизней. А в раскрытые настежь окна, взметнув лёгкие занавески, влетал ветер, внося запахи прошлого и снов – того, чем, как известно, нельзя поменяться.

Как вы уже, наверно, поняли, Яхья Атнагулов получил всё, что имел за душой Бату Сакаев, – три жены, недвижимость, скот, закупочные конторы, магазины в десятках городов и деревень, несколько сотен торговых служащих, а также само дело, которое к тому времени приносило баснословный доход. «Надо же, – говорили про новоявленного купца. – Сам шайтан взял его за руку и вывел из грязи в князи».

Однако, как говорится, у Всевышнего свои планы насчёт каждого из нас. Прошло ровно столько лет, сколько должно было пройти. Хозяйство, так неожиданно доставшееся Яхье Атнагулову, постепенно пришло в запустение. Изба покосилась. В огороде зацвели жёлтые, цвета зависти, одуванчики. Все три жены умерли одна за другой, с интервалом в год-полтора. Торговое дело стало убыточным и, в конце концов,

полностью заглохло. Во взоре неудавшегося хозяина сквозила претензия, и объектом её становился каждый, кто попал в поле его зрения.

Что же случилось с Бату Сакаевым, который, как говорили люди, в один миг потерял всё, что имел за душой? Страшная, неприглядная изба, в которую он вошёл хозяином, вскоре приобрела жилой облик. Всё преобразилось под его крепкой рукой, всё поменялось согласно его воле. Что же касается бывшей жены Яхьи Атнагулова, то люди вдруг поняли, что прежде ошибались, считая её злой и неприглядной. У ворот их встречала теперь женщина, лишь отдалённо напоминавшая прежнюю хозяйку. Многие обратили внимание, что глаза её, когда-то скрытые подозрительным прищуром, оказались фиалкового цвета, и вообще она просто душечка. Кстати, однажды Яхья Атнагулов пришёл и громко начал требовать назад свою жену. Но, во-первых, женщина сама не согласилась выйти, а во-вторых, перед воротами собрались сельчане, которые напомнили ему, что обмен обратной силы не имеет.

Вскоре на одной из соседних земель некий купец открыл фабрику по производству ичигов. Бату устроился туда подрабатывать в конторе. Всё на свете происходит, как должно произойти. В один прекрасный день Бату Сакаев стал одним из владельцев этого производства, которое благодаря его приходу стало втрое прибыльным. И, наконец, наступил тот час, когда он смог выкупить проданное за долги, за-

губленное дело по торговле чаем. Разумеется, он поставил дело на ноги, и чай начал поставляться столь же регулярно, как прежде.

«Всё подлежит обмену. Даже женщина. Но нельзя поменяться сутью, снами и прошлым». Так говорили в нашей деревне, обсуждая эту историю. Доставшаяся ему в результате обмена жена так и осталась с Бату. Доводить количество жён, как прежде, до трёх – Бату посчитал не обязательным, его устраивала одна, и с ней, как говорят, он не расставался до конца жизни.

Что же осталось Яхье Атнагулову? Жёлтые, как зависть, цветы одуванчиков в огороде, не сходящий с лица подозрительный прищур и твёрдая убеждённость, что его обманули.

Яхья Атнагулов исчез из жизни нашего героя так же незаметно, как исчезает икота. Вроде была, а теперь нету.

Думаю, что о Бату Сакаеве рассказано уже достаточно. И опять я вынужден признать, что ушёл далеко в сторону от основной линии повествования. Но таковы наши деревенские истории, они тянут рассказчика в свою сторону. Это всё равно, что заблудиться в Чёрном лесу, собирая землянику. Потянулся за одной ягодкой, глядишь, там под листочками видны ещё две. Подобрался к ним, сорвал, оглянулся, куда ни посмотри, мерцают, словно из темноты – множества и множества. И потому, признаюсь, я заблудился. Но, с другой стороны, я не давал обещания умолчать об этих историях. И почему, в конце концов, я должен оправдываться, что рас-

сказал их?

Рассказчик, наконец, решил сделать передышку. Поезд подъезжал к какой-то крупной узловой станции, в вагонное окно влетел вокзальный гул, среди которого можно было выделить отдельные голоса и голос из репродуктора, объявляющий о прибытии. Я подумал, что эта станция может послужить узловой остановкой в повествовании, тем более что рассказчику надо отдохнуть. Потом, уже значительно позже этого путешествия, мне пришлось прослушивать кассету – именно здесь размеренную атмосферу повествования нарушили звуки окружающего мира, словно возвращая слушателя в реальность (так в радиопостановке завораживающий голос говорящего подхватывается заготовленной музыкальной фразой и голосом диктора).

Я вышел на вокзальную площадь и купил ещё с дюжину кассет, решив, что в любом случае они не пропадут. Когда поезд тронулся, мой сосед продолжил рассказ. Поделюсь одним наблюдением. Мой рассказчик, поведав мне не так уж мало, в сюжетной линии никуда не продвинулся, а так и остался в исходной точке, где встречается со своей любимой меж двух холмов, что похожи на женскую грудь. Он постоянно рассказывает о том, что к делу не относится, и постоянно за это извиняется. Причиной тому, как он сам говорил, являются его опасения, что деревенские устные истории не найдут продолжения в устах следующих поколений и навсе-

гда исчезнут вместе с его деревней, конец которой уже близок. Что ж, это вполне можно ему простить.

Кроме того, я позволю себе целиком исчезнуть из последующей части – мне нет необходимости там появляться в качестве собеседника, слушателя или партнёра по чаепитию. Я целиком отдаю слово рассказчику.

Часть вторая

Если бы я был писателем, я бы написал роман. Ловите идею, господа служители пера! Роман имеет форму путеводителя и должен быть снабжён картой. Автор, он же и экскурсовод, ведёт нас за собой и рассказывает о каждом доме, что попадаетея у нас на пути. Как вы догадались, я бы писал о родной деревне Луна. Но тот, кому моя идея понравится, может поводить нас по району Даун Таун в Санта-Фе, по местечку Бишек-Таш в Стамбуле или по Старотатарской слободе в Казани. Итак, автор останавливается и рассказывает о некоем доме, об особенностях строения крыльца и фронтона, потом переходит к хозяевам дома, и здесь, не исключено, мы услышим какую-нибудь фамильную легенду, а быть может, трогательную любовную историю, которая закончится трагически. Затем нас подводят к следующему дому. С ним связана история уже другой фамилии, но в этот рассказ вкрапляются персонажи из предыдущего дома, поскольку являются соседями. В третьем доме мы уже встретим кое-кого из предыдущих двух. Где-нибудь в середине улицы нам расскажут о человеке, которого зовут, скажем, Абдулхамид Мавлеев, и вскоре мы забудем о нём. Таким образом, повествование плавно идёт от дома к дому, порождая новых героев, но, имея некую общую канву, словно ветер, пронизывающий улицу из конца в конец, тот самый ветер, что дует здесь из

века в век, точка камень и кроша дерево.

Вы закончили прогулку по первой улице, и после этого экскурсовод может предложить вам на этом закончить и перенести экскурсию на завтра. И вот наутро вы начинаете осмотр следующей улицы. Здесь вы встречаетесь с другими героями и другими историями, уже забыв о персонажах вчерашних. Но вот вы подходите к дому, который уже видели вчера, – здесь наша улица пересекается с первой улицей. И перед нами предстаёт уже знакомый нам герой Абдулхамид Мавлеев, но в этот раз он участвует в другом повествовании, он обдуваем другим ветром, но вместе с тем он – стержневая фигура пространства, стоящая на пересечении улиц и сквозняков. Мы идём дальше по улице и на время забываем об этом герое, поглощённые новым развитием событий.

Пройдя все улицы, мы встретим несколько персонажей, подобных Абдулхамиду Мавлееву, – они выделяются на нашей карте, словно зоны особой энергии. В итоге все они, жившие в разные века и служившие разным богам, должны образовать на карте – в зависимости от размеров нашего селения – треугольник, четырёхугольник или иной магический многоугольник, который придаёт роману единство и завершенность.

Кое-кто, не обделённый пространственным воображением, может сказать, что есть селения, где улицы вовсе не пересекаются. Мне довелось побывать в таких местечках. Быть может, это совпадение, но оттуда не вышло ничего стоящего,

и никто не слышал там какой-нибудь мало-мальски запоминающейся истории.

Но я возвращаюсь в свою деревню, которая наполнена историями, персонажами, судьбами, и вспоминаю об одном из главных героев моего повествования – женщине, которую я любил. У меня не выходит из головы одно воспоминание, это был тот момент, когда, как мне кажется, мне удалось познать её суть.

Я выхожу на нашу деревенскую улицу, пронизанную ветром, я ступаю в ветер, словно в воду, в которую нельзя ступить дважды. Жизнь ветра коротка. Обычные ветра умирают, не долетев до реки или даже до конца улицы. Но этот ветер был из тех, которые не умирают по пути, а, наоборот, набирают силу. Это был тот самый ветер, который в Казани снёс с пожарной каланчи рабочего Фёдора Игнатьева, а под Чистополем уронил телеграфные столбы. Птицы в небе летели задом наперёд, тщетно пытаясь добраться до своих гнёзд. Облако притворилось пылью и, промчавшись мимо моих колен, исчезло под изгородью.

И тут я встретил её. Потому как знал, что встречу, и знал, что она не пропустит этот ветер. Она вышла из ветра и обняла меня. Мы стояли, обнявшись, и ветер нёсся мимо нас, огибая так же, как вода огибает большой камень.

Спустя годы она часто является мне в снах. Она выходит из ветра, как и тогда, во времена нашей юности, и обнимает меня. Ветер мчится сквозь нас, это другой ветер, сквозной,

его путь пролегает через тот свет и наши сны, его не видно простым глазом, разве что трава иногда чуть заколышется на Поляне мёртвых.

Я уже говорил вам, что Фатима Сакаева могла приручать смерчи, а волк-лунатик спокойно лежал у её ног, словно найдя прибежище. Её сны были глубоки, как воды реки Итиль, с берегов которой когда-то ушли наши предки. Она утверждала, что порой сон её столь глубок, что в нём можно рассмотреть речное дно, тёмные водоросли, а среди них – огромных рыб, шевелящих жабрами. Я безоговорочно верил ей, поскольку сам видел похожие сны. Мы были связаны с ней снами, и это самая большая близость, которую только можно представить. Вафа-бабай, который был посвящён в наши сны об Итиле, говорил следующее: «Вода везде найдёт себе дорогу. Река, с берегов которой мы были согнаны, всегда находит нас».

Мы дружили с Фатимой в детстве, затем в возрасте, когда подходит пора влюблённости, откуда ни возьмись, появился Халил. Почему появился? Он так и был с нами, но прежде мы подходили к событиям с другой меркой. В наших отношениях возникло то, что называется любовным треугольником, разумеется, мы, пахнущие молоком, навозом и луговым ветром деревенские дети, не отдавали себе отчёт в том, что нас связывает некая геометрическая фигура.

Что же её привлекло в невзрачном, косоглазом Халиле, спросите вы? Ответ прост. Тот самый необъяснимый и

страшный его дар – умение петь, как не поёт никто, перекликаясь с тем светом, слыша голоса с Поляны мёртвых. Она могла приручать смерчи, но дар Халила покорял её, ставил её душу на колени и заставлял плакать.

Как развивались наши отношения внутри треугольника? В разные годы по-разному. Фатима не могла сделать окончательный выбор, её душа металась между нашими двумя, словно боясь потерять обе. Однако сейчас я могу определённо выделить её приоритеты. Фатима боготворила Халила, когда наш возраст подходил к тринадцати годам (не забываяте, что все мы были одноклассники), именно тогда наступает пора ранней, ничем незамутнённой влюблённости. В возрасте же от четырнадцати до семнадцати – она отдавала предпочтение мне. После семнадцати Фатима вновь, словно опомнившись, обратила свой взор в сторону Халила. В её влечении есть закономерность, на первый взгляд незаметная. Дело в том, что именно в этом возрасте – от четырнадцати до семнадцати – у юношей ломается голос, и потому Халил, на время утерев свой дар, так легко выпал из нашего треугольника. Однако потом, когда его голос обрёл новую, доселе неслышанную, мужскую силу, он с лихвой «наверстал» упущенное. Хотя слово «наверстал» было бы неправильным по отношению к Халилу, поскольку он принадлежал к числу тех людей, которые смотрят на мир отстранённо созерцательно, не стараясь во что бы то ни стало преобразить его. Он не делал решительных шагов в сторону Фатимы Сакаевой, инициатива

исходила большей частью от неё самой.

Мне приходится использовать выражение «любовный треугольник», чтобы как-то обозначить наши привязанности, и, боюсь, современный человек, а тем более мыслящий по-европейски, может истолковать всё это однобоко, подражая здесь некоторую степень интимной близости. Напомню, что мы росли в татарской деревне, где женщина, задержавшая взгляд на мужчине, может прослыть потаскухой. «Никогда не смотри мужчине в глаза, – говорила абыстай, жена муллы Гильметдина, собрав вокруг себя деревенских девочек. – В любом мужчине живёт дьявол, который только и ждёт, когда ты на него взглянешь. Если встретила с ним взглядом, считай – сиганула в огонь». Обычно наши женщины разговаривали с представителями противоположного пола, скромно опустив глаза и направив взор в землю. Девушки же, оказавшись рядом с юношей, как правило, краснели. Краснели так, что излучали инфракрасные лучи, и можно было греться в этих лучах. Позднее, уже далеко от моей деревни, мне приходилось сталкиваться с покрасневшими женщинами, но это был скорее результат действия виски или джина с тоником.

Что касается мальчиков, то мы получали сведения о прекрасной половине человечества в медресе при мечети из уст самого муллы Гильметдина, речи которого тоже были полны предостережений. И потому мы, мальчики, были довольно далеки от девочек, если говорить о физических телах. Если

говорить о близости нематериальной, то я был связан с Фатимой снами, что гораздо сильнее близости телесной. С Халилом же Фатима была связана посредством его страшного дара и песни, несущейся с того света на этот, и эта близость была сильнее любой другой.

Но всё-таки в деревне нельзя быть далеко друг от друга, и мы сходились в играх, праздниках, гуляниях, без которых жизнь пуста, как вчерашний чай, и где девушка, как её не пугай, всё равно скользнёт по тебе взором, и этого достаточно, чтобы огонь, в котором можно сгинуть без оглядки, пронёсся между вами, сводя на нет любые предостережения.

Выше я завёл речь о том периоде, когда Фатима вновь обратила свой взор в сторону Халила, в ту самую пору, когда его голос стал голосом мужчины. В моих снах я был по-прежнему с ней близок. Но наяву меня одолевала ужасная ревность. Халил получил возможность находиться с нею рядом, у неё в доме, с согласия её близких. В нашей деревне это было невозможно – подолгу находиться рядом с женщиной, не будучи её супругом. Но здесь имел место особый случай. Халил пел. А Фатима аккомпанировала ему на рояле.

Рояль появился несколькими годами ранее, он пришёл в нашу деревню так же, как приходит обескураживающая новость, которой не знаешь радоваться или печалиться – она просто на время перехватывает дыхание. Это был каприз отца Фатимы – Султанахмета Сакаева, и по большому счёту нет ничего странного в том, что купец первой гильдии,

продолжающий семейное дело купцов Сакаевых, пожелал, чтобы его дочь занялась музицированием.

Когда рояль сгрузили с подводы и поставили перед воротами дома Сакаевых, вокруг собралась толпа, пожелавшая посмотреть на чудо. Диковинный чёрный инструмент рассматривали как вороного коня, а самые смелые рискнули даже приподнять крышку, – так же, как на ярмарке коню заглядывают в зубы.

Султанахмет Сакаев, стоя на крыльце, покуривал папироску и не мог сдерживать улыбки, наблюдая это столпотворение. Он любил своих односельчан и был связан с ними не только кровным родством. Его объединяли с ними облака, медленно бредущие в сторону Мекки, голоса, доносящиеся с Поляны мёртвых, чай, помнящий гул тысяч копыт на свободных, необъятных пастбищах. Так же, как и его дед Бату, Султанахмет Сакаев не переехал жить в город, хотя все его многочисленные и богатые родственники давно перебрались кто в Оренбург, кто в Питер, кто в Казань. Деревенский народ тоже любил его. Несправедливость земного жребия, делящего людей на бедных и богатых, всегда сводилась на нет фразой, которую мы уже слышали из уст Вафа-бабая: «У Всевышнего свои планы насчёт каждого из нас».

И потому Султанахмет Сакаев не стал выражать недовольство, когда кто-то из детворы попытался поиграть на инструменте. Сразу несколько мальчишек забарабанили по клавишам, и деревенская улица, прежде знавшая только мелодич-

ную пентатонику гармошки, вдруг слышала кричащие, диссонансные аккорды и несуразные арпеджио, зарождающиеся под проворными детскими пальцами.

А через пару дней из уездного городка доставили молодого человека по имени Иоахим Вернер – учителя музыки, высокого немца с бледным, тонким лицом. С ним договорились о двух уроках в неделю, при условии, что его будут приводить на урок и увозить обратно – это стоило очень серьёзной надбавки к оплате за уроки, но, разумеется, подобные расходы Султанахметом Сакаевым всерьёз не принимались. В тот же вечер немца уговорили остаться на ужин и заночевать.

А потом, когда уже вышла луна и дневные звуки уступили место ночным, мы слышали музыку. Быть может, немцу не спалось, быть может, в нашей деревне его посетило вдохновение. Музыка разносилась по всей деревне, она лилась по улицам, как вода, которая найдёт себе дорогу даже в снах, она входила в нашу тишину, как сабля в ножны, соседствовала с тишиной, жила бок о бок, и тишине было по душе это соседство.

Но в то же время эта музыка была сродни огню, который возникает, когда глядят в глаза мужчине и которым пугала девочек абыстай, тому самому огню, в котором можно сгнить без оглядки, не поняв, от Всевышнего он или от дьявола. Я вдруг явственно ощутил тогда, что человек сам сотворить такое не может, ему должен кто-то помогать – или в небесах или в преисподней. Мне померещилось тогда неко-

торое шевеление, и исходило оно со стороны Поляны мёртвых – там тоже слушали.

Позднее мне довелось услышать эту музыку при весьма запоминающихся обстоятельствах. Первый раз это случилось, когда Минлебай Атнагулов пожелал жуткий аккомпанемент для массового убийства, которое он затеял, и заставил играть немца под дулом пистолета. Второй раз я услышал эту музыку в одном из залов эмигрантской Праги и узнал, что это Бетховен. Немец в ту ночь играл Лунную сонату. А что же он должен был ещё играть, скажете вы, в деревне по названию «Луна», наблюдая в отворённое окно лик ночного светила, встающего над дорогой? И третий раз я услышал её спустя пару десятков лет после Второй мировой войны, в Мюнхене, в бывшей резиденции Гитлера рядом с площадью Кёнигсплац, помнящей гул нацистских парадов. Я гулял по залам этого мрачного здания из бетона и мрамора, словно погружаясь в нутро остывшей преисподней. И тогда моё ухо уловило знакомые ноты. Музыка неслась откуда-то с верхних этажей, точно из небесных сфер, порождённая чьи-то юными пальцами. Мне сказали, что здесь теперь располагается музыкальная школа.

Немец Иоахим Вернер занимает в моём повествовании не последнее место, поэтому я хочу уделить его персоне некоторое внимание. Через год после начала занятий Иоахим Вернер перебрался в нашу деревню и стал жить в доме, где давал уроки музыки – как вы понимаете, места у Сакаевых было

предостаточно. Его переезд сюда можно объяснить несколькими причинами. Напомню, что уже шла Первая мировая война, а когда идёт война, спрос на преподавателей музыки падает и, скорее всего, нашему немцу в уездном городке просто негде стало работать. Ко всему прочему, немцы в этой войне стали нашими врагами и, быть может, Иоахим Вернер, опасаясь вспышек патриотического гнева, посчитал, что в глубинке ему будет спокойнее.

Если он и впрямь так считал, то он был прав. В нашей деревне ему ничто не угрожало. Порой земные пути переkreщаются весьма забавно. Большая часть наших мужчин была на фронте. Тела многих из них уже покоились в земле Сербии или Восточной Пруссии, а души были на полпути к Поляне мёртвых. Но никому и в голову не пришло бы считать нашего немца врагом. Скажу больше, это нас даже как-то вдохновляло – идёт война с немцами, а у нас тут настоящий, живой немец. Так были тогда устроены у людей головы. Скажу больше. Немцу тогда нечего было опасаться ни в уездном городке, ни в столице. Шла Первая мировая война, и в основе всей этой всечеловеческой кровавой сутолоки лежало обычное желание отобрать что-то у другого (желание, которое рядилось в благопристойные речи о патриотизме и прочем, чем обычно оправдывают будущие убийства). Ненависть же была вторична. Что же касается Второй мировой войны и периода, ему предшествующему, то человеческая ненависть была в самом воздухе того времени, и, следова-

тельно, распространялась на тех, кто рядом. И потому жертв в этой войне будет несравнимо больше, а последствия гораздо ужаснее.

Итак, немец стал жить у нас под боком, и мы видели его почти каждый день. Выше я привёл причины, которые, как мне кажется, вынудили Иохима Вернера переехать в нашу деревню, но не указал ещё одну и, как мне кажется, главную. Дело было в особенностях его характера. Он сразу у нас прижился, хотя выглядел несколько странно на фоне деревенского пейзажа. Этот немец нашёл здесь нечто согласное его духу. Думаю, это решение созрело в нём спонтанно – он поглядел в быструю воду нашей речки и сказал: «Я останусь здесь!» Его душа взметнулась вверх, точно стриж под облако, и Бетховен зазвучал в нём отчётливо, как никогда.

Вскоре, уже здесь освоившись, со скуки ли, а быть может, следуя каким-то другим соображениям, он начал преподавать в нашем медресе немецкий язык. И потому Гёте я прочёл первый раз в подлиннике.

Тот факт, что я знаю язык (язык страны Алман, так его называли у нас, впрочем, так же называют его и в Турции), сыграл мне на руку в годы моего изгнания, когда пришлось скитаться из страны в страну, не зная, будешь ли жив завтра. Кстати сказать, знание этого же языка очень помогло некоторым моим соотечественникам, которые оказались в плену во время Второй мировой войны. Это были татарские юноши, изучавшие немецкий язык в обычной деревенской шко-

ле, на котором повезло с преподавателем. В ту пору на моей родине было множество ссыльных немцев.

Итак, Вернер преподавал нам немецкий язык, и я был одним из его любимых учеников. Через несколько лет после начала занятий моя уверенность в знании языка дала неожиданные всходы (добавлю, что случилось это в период созревания мужских гормонов). Мне пришлось в голову обольстить Фатиму Сакаеву. Я сконструировал фразу, которую вряд ли осмелился бы произнести на родном языке. Звучала она так:

– Не хочу выглядеть бестактным, фрейлин, но я был бы не прочь переспать с вами сегодня.

Сказав ей это, я тут же закрыл глаза в ожидании, поскольку был уверен, что получу в ответ оплеуху. Моё ожидание было вполне оправданным. Оплеуха прозвучала незамедлительно, но сопровождалась она звонким девичьим смехом. Да и сама оплеуха несла в себе не только наказание, но и дань уважения моему нахальству. Вы, наверняка, знаете, что женская пощёчина может содержать самые разные оттенки чувств, но я, деревенский юноша, мог об этом только предполагать.

Затем Фатима выдернула из моей руки тетрадку, в которой в порядке следования были записаны слова (оснащённые переводом), составлявшие нехитрый сценарий обольщения. Она тотчас открыла её, и девичий смех стал ещё звонче. Я постарался выхватить тетрадку. Но Фатима, увернувшись, побежала от меня, зачитывая заготовленные мной фразы: «а

вам не холодно? Возьмите мой пиджак! Вы не останетесь разочарованной, фрейлин!»

— Дай сюда! — я бежал вслед, мне было очень неловко, но в то же время и смешно. Мне многое прощалось, поскольку мы были дружны с ней с самого раннего детства.

Но продолжу рассказ о немце. Со временем Иоахим Вернер сдружился с нашим деревенским муллой, что тоже показалось бы странным, случись это в какой-нибудь другой деревне. Мулла Гильметдин был у нас личностью весьма заметной. Мулла в деревне — это человек, который отвечает за веру. Он играет роль наставника и духовного поводыря, но порой этот поводырь может быть очень надоедлив в своих назиданиях, а в круг его забот порой входит и весьма настойчивый надзор за умами. Наставничество же муллы Гильметдина было ненавязчиво и потому даже притягательно.

Однажды, уже в конце Второй мировой войны, я услышал одну старую еврейскую притчу, и рассказал мне её человек, чудом выживший в варшавском гетто. Звучит она так. В некое селение приезжает в гости молодой человек, который сразу приводит в замешательство местных жителей. Взволнованные селяне прибегают к раввину.

— Вы слышали? Он не верит в Бога!

Раввин вздохнул и поплёлся к приезжему. Затем зашёл к тому в дом и некоторое время о чём-то с ним разговаривал. Между тем всё селение собралось у дверей. Наконец, раввин вышел. Все тотчас окружили его, ожидая сурового вердикта

или акта разоблачения.

– Ничего страшного, – невозмутимо сказал раввин. – В того Бога, в которого не верит он, я тоже не верю.

Думаю, что в разговоре с атеистом мулла Гильметдин занял бы ту же неактивную позицию, что и герой этой притчи. Наш деревенский мулла никогда не позволил бы себе командовать или лезть кому-то в душу. Даже движения его были неторопливы и ненавязчивы, под стать его мыслям. Он не боялся спорить и, как правило, в словесных прениях всегда одерживал верх. При этом мулла имел одну, свойственную только ему, особенность – он всегда ходил вокруг того с кем спорил, словно рисуя магические круги. Кто-то говорил, что эту привычку он заимел в одной из философских школ Бухары, где при разговоре говорящие ходили по кругу, словно вокруг священного камня Каабы. Так разговору добавлялась особая значимость, считалось, что тебе сопутствуют неземные силы. Но мне кажется, подобная манера спорить исходила из самой сути муллы Гильметдина. Он знал, что истину легче добыть ногами, чем мыслью. И ноги вели его по кругу, который замкнут, но который порождает нечто, не имеющее предела. Кроме того, мулла знал, что рождённую истину всё равно не донести до слушателя, – этого нельзя сделать ни мыслью, ни словом. То, что мулла расскажет собеседнику, будет лишь тенью от тени истины. И потому мулла никогда не горячился.

На пятничных молитвах в мечеть было не протолкнуться,

поскольку слушать нашего хазрата приходили из соседних деревень. Медресе Гильметдина также было известно на всю округу. Здесь преподавались светские науки, тогда как в соседних деревнях всё обучение сводилось лишь к заучиванию наизусть Корана. Дети деревни Луна получали знания, которые могли бы не получить, живи они в каком-нибудь другом месте. Надо сказать, что круг священнослужителей-джадидов, к которому принадлежал мулла Гильметдин, пользовался неодобрением среди мусульман-ортодоксов, но весьма приветствовался среди прогрессивной части тогдашней интеллигенции.

Мысль пригласить в деревню муллу-джадида принадлежала, как вы догадались, Султанахмету Сакаеву. Я думаю, соображения купца были таковы. Необъятные пастбища, по которым когда-то мчались наши свободные, недостижимые предки, должны были теперь стать необъятными просторами знаний и наук, где наш народ вновь мог стать свободным. Султанахмет Сакаев не жалел денег на любые начинания, связанные с просвещением. Думаю, и немца в конечном счёте уговорил он же. Тот, наверно, пококетничал немного, хотя и так уже решил остаться (мне необходима по утрам чашка кофе, а по вечерам две кружки светлого баварского пива). «Хоть десять кружек баварского пива, – ответил Султанахмет Сакаев. – А кофе вам будут приносить в постель, вы ещё и глаз не успеете открыть».

Я помню Иоахима Вернера с мольбертом на одном из на-

ших холмов, рисующим деревенский пейзаж – зрелище поначалу из ряда вон выходящее, поскольку прежде у нас никто и ничего не рисовал. К нему привыкли так же, как и к самому пейзажу, который рисовал немец. Возле него проходит мулла Гильметдин, останавливается, рассматривает незаконченную картину. Затем немец с муллой битый час, а то и два о чём-то беседуют. Разговор явно носит философский характер, и мы б его всё равно не поняли, даже если б и знали язык, на котором они спорят.

Тот факт, что два этих столь разных человека спорят именно на русском, кажется мне особенно занимательным. Один из них принадлежит тем безукоризненно стройным рядам, что несколько веков подряд приглашались в Россию, чтобы приобщить её к Европе и западной цивилизации. Другой относится к диким когортам, которые, по мнению историков, отбросили русский народ далеко назад, проложив глубокую пропасть между Россией и Европой. В одном живёт Бетховен, в другом – необозримые пастбища, по которым несутся свободные всадники, что по большому счёту вполне родственно, только мало кому это может прийти в голову. Однако Вернер и мулла Гильметдин, возможно, догадываются об этом.

Так они и остались в моей памяти. Немец говорит горячо, размахивая кистью, словно рисуя грандиозные картины светопредставления. Мулла же говорит размеренно и спокойно, но при этом не устаёт ходить вокруг немца с его мольбертом.

Сначала ум не поспевал за ногами, но потом, войдя в ритм, догонял шаг, и вскоре можно было услышать результаты его раздумий.

Через пятнадцать лет после этого, в Берлине, глядя на оживлённую Фридрих-штрассе из окна небольшого кафе, где мы неторопливо попивали чай, Иоахим Вернер вспомнил о своей дружбе с муллой. Я спросил его, о чём именно они тогда спорили на холме. Как ни странно, Вернер сразу понял, о каком именно споре идёт речь и передал его суть. И потому я воспроизвожу в памяти небольшую часть этого разговора, словно подгоняя звук под давнее видеоизображение.

– Меня всегда удивляло, почему мусульманам нельзя заниматься живописью, – говорит Вернер. – Я бы ещё смирился с тем, что нельзя рисовать человеческое лицо. Или морду животного. Но когда нельзя рисовать пейзаж – это уже ни в какие ворота не лезет. Человек не может без изобразительного искусства.

Немец уже настолько близок с муллой, что требует с него ответственности за весь исламский мир.

– У нас есть изобразительное искусство. Шамаили, например. Орнамент, – отвечает тот без энтузиазма, словно повторяя заученную фразу.

К слову сказать, мулла Гильметдин не был противником живописи. Более того, в джадидских школах того времени занятия живописью были включены в список основных

предметов. Думаю, что мулла просто забавлялся, ему нравилось спорить с Вернером.

– Но это не живопись! Это всего лишь каллиграфия. Творец дал человеку глаза, чтобы он видел. Чтобы он мог познать всю полноту творения. Чтобы он сам мог воспроизвести Божественный замысел на полотне. Чтобы он был соучастником творения, в конце концов.

– Соучастником, говорите? – мулла по-прежнему ходит вокруг немца. – Быть может, ещё скажете партнёром или коллегой? Вы много на себя берёте. Не забывайте, что Творец создал человека. А не наоборот. А зачем? Зачем он его создал, я спрашиваю? Следуя вашей логике – Ему нужен был партнёр.

– Именно так!

– А я скажу, Творец – главный и единственный художник. Он создал этот мир и восхитился своей работой. Но без зрителя никакое искусство не имеет значения, вы это прекрасно знаете. И потому Творец создал человека. Вот что я вам скажу. Мы – зрители, которые должны оценить эту работу по достоинству. А Творцу нравится, когда его хвалят. И мы восторгаемся его творением, тем более, есть чем восторгаться. Оглянись! Вот картина, прекраснее которой быть не может. А вы...

Мулла остановился, взглянул на немца и продолжил свою ходьбу:

– Вы делаете лишь копию с работы великого мастера.

Жалкую, неудачную копию. Тьфу!

Мулла, расчувствовавшись, сплюнул, хотя это не входило в его систему спора.

– Если вам не нравится моя картина, так и скажите, – сказал Вернер с обидой в голосе.

– Не обижайтесь, дорогой мой, – мулла понял, что слегка перегнул палку. – Уверяю вас, картина замечательная. Я просто имел в виду, что в конкуренции с Творцом она проигрывает, но, думаю, вряд ли подобный проигрыш вас расстроит. Я приглашаю вас ко мне попить чаю.

– С удовольствием.

Ветер приносит со стороны деревни музыку. Это играет на рояле Фатима Сакаева.

– Ваша ученица делает успехи, – говорит мулла.

– Она очень способна, – Вернер собирает мольберт.

– Я думаю, только музыка может передать божий замысел.

– Музыкой можно нарисовать Бога.

Потом они уходят к мулле домой, где их ждёт дымящийся самовар, и продолжают свой разговор уже за чаем.

Если говорить о картинах Вернера, я не возьму на себя смелость оценить их качество. Скажу только, что иногда после чашки чая в нашем любимом кафе на Фридрихштрассе он заводил меня к себе в мастерскую, чтобы показать кое-какие из своих работ. Среди них мне особенно запомнились те, что написаны художником по памяти. Я сразу мог узнать два наших холма, похожих на женскую грудь, речку, мостик

через неё, Чёрный лес, уходящий за горизонт. К тому времени я уже с десятков лет был разлучён с Родиной, и увидеть её не было никакой надежды. Я отворачивался, чтобы художник не видел моих слёз, но мог этого не делать, поскольку он предусмотрительно покидал комнату.

В моей жизни были моменты, когда ностальгия особенно остра. Как-то лет десять тому назад я неторопливо шёл по одной из улиц Гамбурга, направляясь на встречу со своим университетским коллегой. Был уже вечерний час, в темноте неслись автомобильные огни, вспыхивали огни реклам. В пространстве стоял гул столь для нас естественный, что мы, быть может, подсознательно считаем его вечным: исчезни он – мы поверим, что наступил конец света. Вдруг неподалёку от меня, через дорогу наискосок, остановился большой грузовой автомобиль. Из кабины вышел шофёр и начал что-то выяснять у прохожих, по-видимому, он заехал не туда, куда надо. Вряд ли подобная сцена привлекла бы моё внимание, если бы не один звук, который заставил меня насторожиться. Это было мычание. Оно послышалось очень отчётливо, диссонансом автомобильным гудкам, рёву далёких и близких двигателей, скрежету тормозов и всему этому вечному гулу. В кузове грузовика находился скот, который, очевидно, везли на бойню. Я поднял взор повыше и увидел тёмные силуэты над линией высокого кузова: покатые головы и полукружья рогов. Позади находилось здание бассейна, чуть

правее него – супермаркет. Головы обречённых животных смотрелись несуразно на фоне загорающихся вывесок, а неоновые огни словно служили жуткой подсветкой приближающейся смерти. Разумеется, животные знали, куда их везут.

Я ещё раз поглядел на грузовик и ощутил вдруг страшное родство с этими существами. В их мычании было что-то очень близкое и готовое перейти в небытие, как мои воспоминания. Я понял, что похож на них – здесь, посреди блещущей огнями, брызжущей неоновым светом Европы. На мне дорогой костюм, но я деревенский житель, руки мои некрасивы, словно корни деревьев, мои ноги кривы – они достались мне от предков, месяцами не сходящих с коней, мои уши нелепо оттопырены – они слышат голоса мёртвых. Я – один на всех путях, обдуваемый лютыми мировыми сквозняками – стою в неоновом свете приближающейся смерти – в недостижимой дали от моей деревни, что расположена на двух холмах, и которую в этой жизни мне, наверняка, уже увидеть не придётся. Я поднял взор к небесам и увидел луну. Тут мне стало так грустно, что слёзы прямо-таки брызнули из моих глаз. Грузовик уехал. Я же остался стоять на мостовой, забыв, куда направлялся, а потом бесцельно бродил по улице. Мой коллега меня так и не дождался.

Затем нечто похожее мне пришлось испытать пару лет назад, гуляя по ночному, залитому рекламными огнями Бродвею, где жизнь, как известно, не останавливается двадцать четыре часа в сутки. Я вдруг увидел здесь то, чего никак не

ожидал. Я увидел лошадь. Она стояла на обочине и пила воду из ведра. Рядом проносились лимузины и роллс-ройсы, толпы приехавших сюда со всего мира самых разношёрстных людей шли в сторону Тайм-сквер. Оказалось, что это одна из тех лошадей, что запрягают в экипажи, которые день и ночь снуют здесь туда-сюда, катая туристов. Лошадь пила воду, низко склонившись к самому ведру. И в этом изгибе шеи было что-то столь родное, что душа моя разорвалась надвое.

Но я опять отвлёкся. Я рассказывал о человеке по имени Иоахим Вернер, который имеет отношение к нашей деревне и, думаю – о нём рассказано достаточно. Достаточно настолько, что в моё повествование помимо моей воли вошёл и наш деревенский мулла Гильметдин. Но сейчас я хочу вспомнить о том, как немец появился у нас впервые, в ту самую ночь, когда он играл на рояле Бетховена. Это поможет мне ввести в действие ещё одного персонажа моего повествования, который в дальнейшем будет куда как замечен.

Итак, Вернер играл на рояле, на дворе стояло лето, окна были открыты настежь, музыка входила в дом вместе с тёплой июньской ночью. Я слушал эту музыку и, хотя был ещё мальчишкой, уже понимал – сам человек такое сочинить не может, ему помогают или силы небес или силы преисподней. Было уже совсем поздно, и мне казалось, что во всей деревне кроме немца не сплю лишь я один. Но, выглянув в окно, я увидел, что в окне через дорогу маячит голова Минлебая Атнагулова.

Об этом моём сверстнике надо рассказать особо, хотя я уже мимоходом упоминал о нём. Он приходился внуком тому самому Яхье Атнагулову, который исчез из нашего повествования, словно икота, но который успел всё-таки оставить после себя потомство. Поскольку даже самый никчёмный гриб оставляет потомство, так устроено природой – она не задаётся вопросом – кто достоин продолжения рода, а кто нет. Минлебай Атнагулов принимал участие в наших детских играх, поскольку в деревне невозможно остаться в стороне от чего бы то ни было. Внешне он ничем не выделялся среди других мальчишек. Но со временем стало ясно, что он очень отличается от нас.

Центром притяжения деревенской детворы был Вафа-бабай. Он, по-видимому, тоже испытывал необходимость в общении с детьми, поскольку в жизни каждого из нас наступает момент, когда тяжесть собственного знания необходимо разделить с теми, кто рядом. Старость и детство – в этом сочетании есть особая гармония. К концу жизни человек, измученный поисками истины, стремится к наивысшей простоте, которой он и так обладает. Старики и дети всегда понимают друг друга.

Потому-то мы всегда вертелись возле Вафа-бабая. Хочу напомнить, что мы росли в той среде, где в борьбе за выживание человек, прежде всего, надеется на свои руки. А если рядом есть тот, кто может тебя чему-то научить, считай – тебе повезло. «Учись ремеслу, – любил повторять нам Ва-

фа-бабай. – Можно потерять в жизни всё, но твоё ремесло всегда спасёт тебя».

Мне на память приходят слова Микеланджело, который, уже находясь в глубокой старости, произнёс следующую фразу: «Обидно умирать, когда только начал познавать основы моего ремесла». Это чувство обиды по отношению к земному уделу совершенно неприменимо к нашему деревенскому старцу. Вафа-бабай утверждал, что «твоё ремесло может пригодиться тебе даже на том свете», и ветер из других территорий подхватывал его слова и уносил туда, где правда этих слов очевидна.

Сам он был прекрасным столяром и знал душу дерева. «Так же, как у реки есть течение, – говорил он, – у дерева есть линии согласия. Если ты чувствуешь их, ты плывёшь, словно по течению, и дерево согласно с тобой».

Из всего того, что он сотворил своими крепкими руками, мне более всего запомнилось самое незатейливое его творение – лодка, на которой всегда можно было переправиться через речку. Лодка стала частью нашего пейзажа, и речка в моих воспоминаниях всегда предстаёт именно такой: прибрежные ивы, лодка, привязанная к берегу, чуть повыше, убегающая в деревню дорога. Мы, деревенская детвора, частенько катались на этом нехитром судёнышке, оглашая окрестности несусветными воплями.

Вряд ли Вафа-бабай, сколачивая лодку, имел намерение придать своему творению какие-либо скрытые смыслы. Но

сейчас, спустя много лет, я вполне их улавливаю, ведь наш деревенский старец мог делать это неосознанно. Лодка, на которой мы столь шумно катались, символ достаточно универсальный. Она была призвана дать нам понятие о течении, о линиях согласия, которыми насквозь пронизано наше существование. Их надо уловить и не противиться им.

Кроме того, лодка, привязанная к берегу, могла напомнить о происхождении деревни. Ведь Лотфулла Хасани выбрал это место не случайно. В нём сидело вечное желание уйти от преследующей его народ безысходности. Два наших холма были для него словно высокие горы. Чёрный лес – нескончаемой тайгой. А речка – бескрайним синим морем, где твой след растает без следа.

Лодка же, сделанная Вафа-бабаем, стала маленьким корабликом, ожидающим на берегу и готовым взять тебя в другое пространство. Она словно намекала о спасении и свободе. Разумеется, последнее сравнение может кому-то показаться несколько притянутым. Так, может быть, и есть на самом деле, поскольку все эти образы связаны, в первую очередь, с моей личной судьбой.

Как же Вафа-бабай сумел посвятить нас в основы своего ремесла? Он очень ненавязчиво учил нас мастерить игрушки из дерева. А какому мальчишке это будет неинтересно? Нашему учителю доставляло удовольствие объяснять нам, как пользоваться инструментом, как выбирать древесный материал. Сотворённые мальчишескими руками игрушки пред-

ставляли собой нашу жизнь в деревянной миниатюре, наивной, кособокой и простой, как бывает проста душа в начале жизни. Это могли быть арба, дом, колодец, барашек (с обязательным надрезом на горле, поскольку ислам, как известно, не поощряет какое бы то ни было изображение живых существ, – надрез же означал, что у животного уже ушла душа), деревянная сабля, борона, мельница.

Однако игрушка, сделанная Минлебаем Атнагуловым, выглядела несколько странной. Она представляла собой какую-то непонятную нам конструкцию, в которой помимо прочего присутствовали две палочки на подставке, между которыми скользил вверх-вниз косой обломок бритвы. Вафа-бабай, увидев игрушку, озабоченно покачал головой. Повидимому, он, ещё тоже не зная предназначения этой конструкции, сразу почувствовал сокрытую в ней ужасную суть. «У Всевышнего свои планы насчёт каждого из нас», – сказал он, глядя на мальчика.

Это была маленькая гильотина. Откуда у деревенского мальчишки такие познания, спросите вы? Какими такими духовными связями этот пахнувший навозом, босоногий стервец должен быть связан с изобретателем адской машины доктором Жозефом Игнасом Гильотеном? Оказалось, Минлебай Атнагулов увидел изображение гильотины в книге, которая попала ему в руки на ярмарке в соседней деревне. Мы догадываемся, что речь в книге шла о французской революции, но мальчик этого знать не мог, поскольку не обладал

ещё достаточными познаниями в области истории, да и не мог читать по-русски. Его заинтересовала машина и рисунок в книге (где, вероятно, присутствовала и жертва) не оставлял сомнений в том, как она работает.

Позднее Минлебай Атнагулов казнил на гильотине кузнечика. Вафа-бабая рядом не было, а мы, дети, наблюдавшие казнь несчастного насекомого, ещё находились в том возрасте, когда ещё не знаешь, что творимое перед тобой зло надо остановить. Вспоминая спектакль, разыгранный нашим сверстником на зелёной лужайке, я начинаю осознавать, что, пожалуй, он напоминал жуткие, происходившие далеко от нас представления, где десятки тысяч зрителей, затаив дыхание, ждут, когда свершится освящённое законом убийство. Он был похож на них так же, как наши несуразные, кривобокие деревянные игрушки были похожи на реальную жизнь, и дело не во внешнем отдалённом сходстве, сходство было в самой сути этих представлений, и за всем этим лежали странные наклонности Минлебая Атнагулова.

Другое моё воспоминание касается возраста уже подросткового, когда взрослеющие дети стараются выглядеть старше, чем есть на самом деле. Дни в деревне одинаковы, они похожи друг на друга, как две щеки одного лица, и лишь при внимательном рассмотрении можно найти в них различие: так же, как на щеке обнаружить родинку. Именно такой день и был тогда. Отличался он от других фразой, которую я выкрикнул Минлебаю Атнагулову.

– Твой кот и то тебя старше!

Но прежде мы затеяли спор: кто из нас старше, хотя все мы, пацаны, большей частью были ровесниками и спор наш разгорелся, для того чтобы поточить крепнувшие зубы. Наши словопроения были весьма бесцеремонны: «Ты ещё щенок по сравнению со мной». «Твой отец мне в сыновья годится». «Когда ты ещё пешком под стол ходил, я уже полки в атаку водил». И прочее в том же роде, что может прийти в беззаботную голову подростка. Минлебай Атнагулов участвовал в споре, стоя возле забора своего дома. Он говорил что-то вроде: «Я старше всех вас вместе взятых». И тут к нему подошёл их кот и начал тереться об его ноги. Вот тогда-то мне и пришла на ум эта фраза о коте.

Эти слова очень задели Минлебая Атнагулова и показали ему очень обидными. И я знаю почему: кот был и впрямь старше мальчика. Если Минлебаю было тогда одиннадцать, то коту было, пожалуй, около двенадцати, – он был уже стар и передвигался мало.

Возраст человека – знак времени на его челе, метка ушедших лет на его теле. Можно сменить имя. Можно сменить пол. Можно сменить веру. Но нельзя сменить свой возраст. Но мы, мальчишки, об этом, конечно, не задумывались. Да и кто в детстве задаётся такими вопросами? Просто хотелось выглядеть старше и всё.

Вскоре кот Атнагуловых исчез, и его больше никто не видел. В деревне не придают особого значения, если пропада-

ет кот. Вот если пропадёт лошадь или корова – тогда другое дело.

Кончилось лето, и наша речка обмелела, обнажив берега. Когда сходит вода, в этом мне видится некая несправедливость, словно взору постороннего открывается нечто интимное, чего при других обстоятельствах видеть не дозволено. Река словно являет для обозрения своё тёмное нутро, и люди с бесстыдным любопытством взирают на оголённое дно. В ту осень, бегая вдоль обмелевшей речки, мы, детвора, обнаружили труп пропавшего кота. К шее животного был привязан камень. Кота утопили ещё летом, и мне думается, как раз после того мальчишеского спора, кто из нас старше. С Минлебаем Атнагуловым долгое время после этого никто не хотел разговаривать. А если кто-то и хотел перекинуться с ним парой слов, то останавливался на полуслове, словно увидев за спиной мальчика дух утопленного кота.

Случай с котом хотя и из детства, но отчасти даёт некоторое представление об этом человеке. По большому счёту человек в течение жизни не меняется, и его суть проглядывает уже в самом начале земного пути.

– Мерзкий, косоглазый, кривобокий урод!

Эти слова Минлебай Атнагулов произнёс однажды, глядя в лицо Халилу. Не помню, что было тому причиной – в детстве таких причин может быть великое множество. Но помню, как ответил Халил. Он ответил молчанием. В его молчании не было ни угрозы, ни обиды, ни презрения. Халил,

глядя с высоты своего страшного дара, просто не заметил оскорбления. То же самое произойдёт, если плюнуть в глаза льву – он не поймёт значения этого действия.

Почему-то в моих детских воспоминаниях два моих сверстника – Халил и Минлебай частенько появляются вместе. Как добро и зло, которые не могут друг без друга. Это две стороны одной медали, две щеки одного лица, два конца одной палки.

В любой, даже самой маленькой деревеньке заключена вся полнота мира. Вы обнаружите здесь придурка и мудреца, лентяя и работягу, жадного и бескорыстного, доброго и злого. Одним словом, остаётся только удивляться, как Всевышний позаботился о таком многообразии персонажей на столь крохотной территории. Здесь удерживается некое изначальное равновесие, действует закон, согласно которому все основные типы должны быть на этой территории представлены. Более того, я не ошибусь, если скажу, что данный закон подразумевает и замещаемость персонажей. Если, скажем, вдруг деревня лишилась негодяя (негодяй мог погибнуть на охоте или помереть от чахотки), то его место займёт негодяй из следующего поколения, а если среди молодой поросли нет достойных претендентов, то в негодяи вынужден перейти кто-то из стана добрых людей. «В одной деревне – вся правда мира», – так говорил Вафа-бабай.

В моей памяти живёт ещё одно воспоминание, связанное с Минлебаем Атнагуловым и касается оно возраста более

старшего – нам было, наверно, около четырнадцати. И хотя в этой истории мой сверстник занимает далеко не главное место, я всё-таки возьмусь пересказать её, и пусть читатель сам расставит свои приоритеты.

История с зеркалом

Лето в тот год выдалось очень жарким. Всё живое стремилось в тень, в спасительную прохладу. Но деревенский народ, как известно, лишён этого права – пребывать в тени. Была пора сенокоса, мы работали в открытом поле. Глаза наши застилал едкий пот, а тело съедали безжалостные слепни. В такие часы какой-нибудь горожанин, наверняка, задал бы вопрос – когда же, наконец, завершится этот сизифов труд? Но в сознании деревенского жителя подобный вопрос никогда не возникнет. Житель деревни принимает всё как должное. Он вытерпит всё, что написано ему на роду, и даже больше.

Ближе к вечеру, когда работы закончились, и солнце уже готово было спрятаться за горизонт, взрослые разошлись по домам, а мы – разновозрастная, разношёрстная детвора – побежали купаться на речку. Мы сиганули в воду с дикими воплями, и вода приняла нас как посвящённых. После адской дневной жары нам хотелось плавать до скончания века, нам хотелось жить в реке, как рыбам. Я плавал вдоль и поперёк реки, нырял в тёмную, прохладную глубину. Так продолжалось, наверно, с полчаса, а быть может, и больше, я потерял

ощущение времени и даже не заметил, как остался на речке один. Лишь в какой-то момент до меня донеслись отдалённые голоса моих друзей, которые уходили в сторону деревни. Мои уши находились в воде, поэтому голоса слышались словно из другого мира, а потом и вовсе исчезли. Затем я нырнул ещё раз. И вдруг, ещё находясь под водой, я отчётливо осознал: когда вынырну – что-то произойдёт. Мир изменится. Мне суждено узнать то, чего никогда не знал. Откуда пришло это осознание – нельзя объяснить, но всё было именно так.

Вынырнув, я увидел перед собой противоположный берег, высокую траву над ним и облако, подсвеченное закатными лучами. Мои ноги нащупали дно. Затем я развернулся и посмотрел туда, откуда только что приплыл. Тот берег был точно таким же, каким я его оставил. Но вдруг наискосок, вниз по течению, там, где прибрежные ивы бросают на воду густую тень, что-то блеснуло золотом. Это самое что-то плавно скользило вверх-вниз по замкнутой траектории. Приглядевшись, я понял, что это гребень. И находится он в руке у женщины, которая расчёсывает им волосы. Женщина сидела на стволе упавшего дерева, свесив вниз босые ноги, и не обращала на меня никакого внимания, а быть может, она меня просто не видела. Одета она была в длинное просторное платье цвета речных водорослей. Волосы же её были до самых пят, и, расчёсывая их, она время от времени смотрелась в ручное зеркало. Я понял, кто передо мной. Это была

Мать воды. Прежде мне довелось много слышать о ней из рассказов наших сельчан. Считалось, что очень редко кому удаётся её увидеть.

Я медленно поплыл в сторону своего берега, стараясь не издавать никаких звуков. Мать воды не поворачивала головы в мою сторону. Казалось, она всецело поглощена своим занятием. Окинув мгновенным взором окружающее пространство, я понял, что никого, кроме меня и Матери воды, на речке больше нет, и это понимание заставило моё сердце ёкнуть. Я добрался до берега и начал медленно выходить на сушу. Мать воды находилась по правую руку от меня, на расстоянии шагов пятнадцати. «Не смотри на неё», – сказал я себе. Тот факт, что я могу встретиться с ней глазами, наполнил моё сердце ужасом. Однако, невзирая на внутренний запрет, я не выдержал и посмотрел. И увидел её лицо.

Описать это лицо нельзя. Это одно из тех лиц, на которых время не оставляет своей метки. Так же можно заглянуть в жуткую темноту бездонного колодца. Мы смотрели друг на друга одно мгновение. Но этого хватило, чтобы кровь в моих жилах застыла, а ноги отказались идти. Мать воды соскользнула в воду и исчезла, даже не оставив после себя кругов. Я опомнился, выскочил на берег и стал поспешно одеваться.

Мой взор вновь упал на поваленный ствол дерева, где она только что сидела. Я обнаружил, что Мать воды забыла зеркало, в которое она смотрелась, когда расчёсывала волосы. Недолго думая, я подошёл и взял его. Моё сердце готово бы-

ло выпрыгнуть вон, поскольку владелица зеркала, обнаружив пропажу, в любую секунду могла вернуться. А затем мне ничего больше не оставалось, как, сжимая в руке свою находку, броситься наутёк. Я пересёк мост, потом побежал вверх в деревню. И только остановившись возле ворот своего дома, я перевёл дыхание и, наконец, рассмотрел этот предмет. Это было круглое зеркало размером с чайное блюдце, с гладкой, массивной металлической ручкой. Ничего необычного оно собой не представляло, за исключением того, что принадлежало тому миру, в который нам никогда не дано найти входную дверь. Металлический обод вокруг зеркала был груб и неровен, как бывают неровны и несимметричны линии природы, и отполирован омутами, рыбьими спинами и ещё чем-то, что принадлежит водной стихии.

Когда держишь перед собой какое-либо зеркало, первое желание – тут же посмотреть в него. Что я и сделал. Я посмотрел на своё отражение с расстояния вытянутой руки. Вот моё лицо, за ним на заднем плане – уходящий вдаль забор, деревенская улица, на которую уже начали спускаться сумерки, и там, в самом её начале, движется сюда гнедая лошадь, которая тащит за собой телегу, гружёную сеном. А ещё дальше, за деревней уже мерцала в небе ранняя звезда Чулпан.

– Ничего особенного, – сказал я себе. Но, повернувшись, осёкся. Не было позади меня никакой лошади и никакой телеги. Улица была совершенно пуста и просматривалась из

конца в конец, несмотря на сгущавшиеся сумерки. Небо за деревней тоже было пустым, и ни одна из звёзд ещё не появилась.

В это время из-за ворот выкрикнули моё имя, меня звали к ужину. Я сунул зеркало под рубаху и пошёл в дом. «Где ты пропадаешь?» – спросили меня родители. «Купался в речке», – ответил я. «Что-то долго, садись за стол, руки мыл?» – «Нет». – «Ступай вымой».

Я вышел обратно во двор к рукомойнику. Вымыл руки. Затем сунул зеркало под бревно, что возле сарая. Затем не выдержал, отворил калитку и вновь окинул взором то самое пространство, что прежде отразилось в зеркале. Улица была уже темна, но не настолько, чтобы не разглядеть в её начале гнедую лошадь, которая тащит за собой телегу, гружённую сеном. А в небе мерцала ранняя звезда Чулпан.

– Чёрт те что, – произнесли мои губы. Лошадь подошла ближе, в телеге сидел житель нашей деревни Гайнан Яушев.

– Почему не здороваешься, а? – крикнул он, поравнявшись со мной.

Я, опомнившись, поприветствовал его.

– То-то, – продолжал он. – Пока не заставишь – даже не поздороваются. Вот молодёжь пошла. Во времена моего детства – попробуй только не поздоровайся со старшим! Тут же получил бы такую затрещину, что неделю в ушах звенело бы.

Он ещё долго что-то бормотал себе под нос, пока не скрылся за поворотом.

Ночью я неожиданно проснулся. В окнах мерцал лунный свет. Все в доме спали, с половины родителей доносилось мерное похрапывание (а с печки – сопение моих младших братишек и сестрёнок). Я понял, что не усну. Какая-то необъяснимая сила влекла меня за собой. Я вышел из дома, пересёк двор и подошёл к калитке, ведущей на улицу, чтобы отворить её. Мне было ясно, что этого делать нельзя, но мой страх полностью подавлялся жутким любопытством. А что будет там? Там обязательно что-то произойдёт. Я увижу нечто такое, отчего дух захватывает!

Я повернул щеколду и толкнул калитку, которая, скрипнув, отворилась. Улица, освещённая лунным светом, напоминала декорацию к некоему действию, смысл которого был мне пока ещё неведом. Я шагнул вперёд. Посмотрел налево, потом направо. И ничего странного не заметил. Но вдруг в дальнем конце улицы, там, где свет переходит в тьму, что-то шевельнулось. Я направился в сторону этого места, стараясь держаться в тени деревьев. Лунная тень – она делает человека невидимым. Кроме того, на ногах моих не было никакой обуви, поэтому звука шагов никто не слышал. Так, крадучись, я добрался до того места, где, как мне показалось, я заметил какое-то движение. Здесь дорога уходила вниз, и тень, которая издали казалась непроглядной, отступала перед вездесущим лунным светом. Дальше начинался спуск с нашего холма, оттуда веяло сыростью и прохладой, и если идти в ту сторону – одна тьма будет сменять другую до бес-

конечности, и непонятно куда тебя выведет твоя стезя.

Я постоял немного в нерешительности и уже собрался вернуться, как вдруг почувствовал, что рядом кто-то есть. Это был не звук, не шорох, а опять же некое лёгкое, неуловимое движение. Я почувствовал его даже не глазом, а своими похолодевшими лёгкими. В темноте в шагах десяти от меня угадывалась чья-то тень. Она стояла неподвижно, и было неясно, мужчина это или женщина.

Я боялся пошевелиться. Я сам стал тенью, деревом, землёй, бездыханным мраком. Ни в коем случае нельзя было дать обнаружить себя. Быть может, меня ещё не заметили. Так продолжалось, наверно, несколько минут, но мне они показались вечностью. Моя тактика оказалась верной. Вы, наверняка, знаете, что если сидеть в избе, не двигаясь в течение продолжительного времени, то из углов начинают появляться мыши. Они считают тебя частью интерьера, пусть даже ты живой, дышишь, имеешь глаза и уши. Так произошло и здесь. Тень тронулась с места, а затем направилась назад в деревню. Немного подождав, я последовал за ней. Тень скользнула в темноту меж деревьев, но затем снова появилась и последовала дальше, вдоль окраины. Её маршрут был мне неясен. Я следовал за ней, стараясь не выдать себя, но в то же время, не желая отставать. В какой-то момент я осмелел и прибавил шагу, значительно сократив расстояние между нами. Что позволило мне полностью убедиться в том, что передо мной человек. Я видел его спину, он по-прежне-

му куда-то шёл, петляя, перемещаясь из лунного света в тень и обратно.

Затем человек подошёл к изгороди, что выросла на его пути, и остановился. Человек (а может быть, всё-таки тень) застыл на месте, опираясь руками на изгородь, спиной ко мне. Я тоже вынужден был замедлить ход и остановиться. «Сейчас он повернётся и произойдёт что-то ужасное», – подумал я. Он по-прежнему стоял спиной ко мне, словно отсчитывая задуманную паузу. И, наконец, будто время для этого уже наступило, он начал медленно ко мне поворачиваться. С каждым его движением моя душа проваливалась в пропасть. И вот он полностью повернулся ко мне. Лунный свет упал на его лицо, и тут я закричал от страха.

Я увидел то, чего не ожидал никогда. У него было моё лицо. В том-то и весь ужас, когда видишь себя. Лицо было точно таким же, каким я его знал всегда. Но было в нём ещё что-то, чего нельзя объяснить, но что я уже пытался как-то назвать. На нём не было метки времени.

Я закричал так отчаянно, что всё вокруг содрогнулось от моего крика. Передо мной пронеслось несколько бездн, а затем я осознал себя кричащим в собственной постели.

– Ты кричал во сне. Ты не болен? – спросила склонившаяся надо мной мама.

В окнах мерцал лунный свет. Было уже далеко за полночь.
– Дай ему воды, – послышался голос отца. – Он, наверно, перегрелся на солнце.

– Или перекупался, – сказала мама.

И хотя я был ещё мальчишкой, мне уже было известно, что если человек несчастлив в снах, путь его будет тяжёл и наяву. Поэтому наутро я вытащил из-за бревна не принадлежавшее мне зеркало, с тем чтобы избавиться от него. Отвернувшись в сторону, чтобы ненароком не увидеть хотя бы краешек того, чего видеть не надо, я завернул зеркало в старую портянку и засунул под рубаху. Миновав улицу, по которой мне пришлось уже проходить нынешней ночью, в самом её конце я встретил Халила, Фатиму и Минлебая Атнагулова. Встретить их вместе было странно, но такова жизнь, иногда она так скрещивает пути, что диву даёшься. Фатима сразу поняла, что со мной произошло что-то неладное. Она всегда могла распознать человека, который несчастлив в снах.

– С тобой что-то случилось. Ты встретил кого-то? – спросила она.

Тут я достал из-под рубашки завёрнутое в портянку зеркало и всё рассказал им. Из них троих мне не поверил только Минлебай Атнагулов.

– А зачем Матери воды нужно зеркало, если она может спокойно смотреться в воду? – спросил он.

Но Фатима с Халилом были совершенно серьёзны. Я не стал разворачивать зеркало, а ждал, не зная, что делать дальше.

– Говорят, что в этом зеркале можно увидеть будущее, – сказал Халил.

– А я слышала, что в нём можно увидеть свою смерть, – сказала Фатима.

– А разве смерть не принадлежит будущему?

– Конечно принадлежит.

Я слушал их, держа в руках свою ношу, которая уже обжигала мне руки.

– Что же мне с этим делать? – спросил я.

Тут в разговор вступил доселе молчавший Минлебай Атнагулов:

– По-моему это всё чушь собачья.

– Мне так не показалось, – возразил я.

– Тогда дай посмотреть.

– Не вздумай, – осекла его Фатима.

– Вы просто боитесь, – не сдавался Минлебай Атнагулов.

– Ещё бы не бояться.

Тут наш товарищ по детским играм сделал неожиданный ход. Он вдруг выхватил у меня этот злополучный предмет и, прежде чем я успел что-то сообразить, отскочил в сторону и развернул портянку. В следующее мгновение он уже стоял, рассматривая себя в зеркале, точно жених перед свадьбой. На лице его было выражение интриги. Я бросился к нему, но на полпути остановился как вкопанный. Дело в том, что у нашего товарища изменилось выражение лица. Оно изменилось настолько, что все мы тотчас поняли – Минлебай Атнагулов видит сейчас то, чего никак не ожидал.

Любопытство всегда возьмёт верх над страхом. Я обошёл

сзади Минлебая, который стоял словно загипнотизированный, и заглянул в зеркало. Вот что там было. Вот что преподнесло зеркало нашему товарищу по детским играм.

Там была река. Тёмная вода неслась откуда-то сверху, мстами она вскипала пеной, обнажая большие валуны. Берега реки были высоки и скалисты. Совершенно чужой, незнакомый пейзаж. От всего этого дохнуло таким жутким холодом, что дыхание перехватило. А потом послышался не то гул ветра, не то волчий вой, и непонятно, откуда он доносится, потому что трава и деревья вокруг нас тоже заволновались.

Эту картину мне удалось наблюдать всего лишь пару мгновений, но она столь прочно зафиксировалась в моей памяти, что потом ещё долгие годы я настойчиво прокручивал её, словно старую киноплёнку. Без внимания не осталась ни одна деталь. И потому я совершенно уверенно могу сказать, что на одном из берегов, на краю высокой скалы, виден был далёкий, едва угадываемый силуэт волка.

Спустя тридцать лет я понял, что это была река, текущая в ад.

А потом, спустя ещё тридцать лет, я понял нечто большее об этой реке. Однако о том, как пришло это понимание, я расскажу в последней части моего повествования. А пока вернусь в ту самую точку, на которой мне пришлось сделать остановку.

Итак, река с тёмной водой мчалась в зеркале, вскипая пе-

ной, порождая буруны и воронки, а Минлебай Атнагулов стоял точно обухом огретый, не в силах оторвать от неё взора. Я же, находясь за его плечом, пребывал в сходном с ним состоянии. Так продолжалось бы до бесконечности, если бы чья-то уверенная рука не прервала затянувшееся действие.

Фатима Сакаева. Эта девочка сразу поняла, что происходит, поскольку всегда видела дальше других. Она выхватила у Минлебая Атнагулова зеркало и тут же спрятала его под мышку:

– Давай сюда тряпку, быстро!

Я поднял с земли тряпку и подал ей. Она в мгновение ока завернула зеркало и тут же вручила его мне:

– Избавься от него, слышишь? Немедленно!

– Как?

– Так же, как и получил. Понял?

Раздумывать было некогда. Не переводя дыхания, я побежал вниз с холма к речке, промчался через мост, потом, минуя прибрежный кустарник, слетел туда, где повстречал вчера Мать воды. Затем, старательно отводя глаза, развернул тряпку и положил зеркало на поваленный ствол, точно на то самое место, откуда его взял.

Вечером я пошёл на речку вместе со всеми, но купаться не стал, вид воды вызывал у меня беспокойство. И пока все купались на песчаной отмели, создавая ужасный шум и суетолю, я сходил к поваленному дереву и убедился, что зеркало исчезло.

Однако во мне остался былой страх. Я был уверен, что Мать воды не оставит меня в покое. Мне ничего не оставалось делать, как пойти за советом к Вафа-бабаю.

– Выбрось из головы, – сказал он, при этом вырезая какую-то очередную фигурку из дерева.

– А если она мне отомстит?

– За что? Ты же вернул то, что взял.

– А вы сами её видели?

– Видел.

– Мне страшно.

– Дорогой мой, – Вафа-бабай повернулся ко мне лицом. – Ты взял у них то, что тебе не предназначалось, и попытался зайти туда, куда нам хода нет. Но теперь ты понял, что был неправ. Не надо их бояться. Люди куда опаснее.

– Что же будет дальше?

– Ничего.

Он меня успокоил. И в самом деле, все последующие ночи я спал, не видя никаких снов. Говорят, в такие часы человек ближе всего к себе истинному, но, проснувшись, уже ничего не помнит.

Я рассказал вам историю с зеркалом, случившуюся со мной уже шестьдесят лет назад. Сейчас, глядя на свою жизнь со скалы, которая зовётся старостью и с которой рукой подать до пролетающих облаков, я могу многое оценить заново, рассмотреть в деталях. И вот что забавно. Происшедшее

шестьдесят лет назад в моей памяти живёт гораздо отчётливее того, что произошло, скажем, тридцать лет назад. Если сравнить нашу память с магнитной лентой, киноплёнкой или ещё каким носителем увиденного, услышанного, прочувствованного, мы убедимся, что в детстве этот носитель куда более высокого качества. Я помню каждую тропку на двух наших холмах, отдельные выкрики птиц, я вижу передний, задний план каждого действия, я чувствую блики воды на своей коже. В начале жизни мы оснащены совершенным записывающим инструментом, который безупречно сохранит всё до самого последнего часа. Но мы об этом ещё не подозреваем. Мы ныряем в глубокий, увлекающий нас неведомо куда омут, совершенно не зная, что навсегда фиксируем каждое мгновение.

«Какой из этого следует сделать вывод?» – спросите вы. «А никакой», – отвечу я. Очень часто мы делаем слишком много ненужных выводов и пытаемся дать толкование тому, что в том не нуждается.

Но я опять отвлёкся. Ведь прежде я завёл речь о своём сверстнике Минлебае Атнагулове. Собственно говоря, историю с зеркалом мне хотелось рассказать именно в связи с этой персоной. Он здесь главная фигура, хотя и остался в тени. И самый незабываемый здесь момент – не мои страхи и переживания, а та самая тёмная, быстрая река, которую преподнесло Минлебаю Атнагулову зеркало.

Когда я вспоминаю об этом человеке, мне уже с высоты

лет ясно ещё и то, что он был совершенно бесстрашен, и эта его черта проглядывает уже в начале жизни. Он мало чего боялся и всегда был готов взглянуть в тёмную воду своего будущего, каким бы ужасным оно ни представлялось. Однако есть в этом бесстрашии нечто, отдающее холодным металлом, здесь нет души – замёрзшей от страха и отчаянно взметнувшейся в небеса.

Семья Атнагуловых перебралась в город Казань, когда Минлебаю было около шестнадцати. Теперь этот юноша смотрел по ночам в тёмную воду реки Булак, что делит город на русскую и татарскую половины. Его лицо обветрилось в сквозняках, которые мечутся в мрачных подворотнях. Кулаки окрепли в жестоких уличных потасовках. Его лёгкие вдыхали багровые туманы, что встают над озером Кабан после ночей, наполненных воплями, винными парами и продажной любовью. Кое-кто из наших, побывавших в Казани, рассказывал, что Минлебай Атнагулов стал революционером. Другие подтверждали это и добавляли, что его разыскивает полиция, – фотографии нашего односельчанина висят на всех столбах, и за его поимку обещана крупная сумма. Более того, ходили слухи, что Минлебай Атнагулов – бомбометатель, и на его совести уже не одна загубленная душа. Потом пронеслись две революции, и наш товарищ по детским играм оказался на самом гребне страшной, разрушительной волны. Теперь уже доходили слухи, что он – известный красный комиссар, которого побаиваются очень многие.

А затем, уже в разгар гражданской войны, Минлебай Атнагулов появился в нашей деревне во главе отряда красноармейцев. Это было уже осенью, когда вечера прохладны, а горизонты багровы и похожи на длинную сабельную рану.

Мы знали – что-то должно произойти, поскольку незадолго до этого, в одну из лунных ночей, вновь появился волк-лунатик. Он пробежал по улице, из конца в конец деревни, и многие в ту ночь его видели. Волк-лунатик остановился на окраине, там, где начинается спуск к Чёрному лесу, и долго сидел на краю холма, глядя вниз, в темноту. Уже потом, через годы, я понял, что это означало. Мужчинам не придётся возвращаться далеко. Поляна мёртвых рядом. А наша деревня – ближе некуда.

Минлебай Атнагулов возмужал и очень изменился, но мы узнали бы нашего бывшего односельчанина, измени он и во все свою внешность. Наш товарищ по детским играм смотрел на нас со своего высокого коня, в глазах его читалась радость возвращения, но в этой радости было ещё нечто, отдающее таким колючим холодом, что даже коню под всадником было неуютно.

В доме Сакаевых разместился штаб. Разумеется, жителей дома попросили убраться вон. Султанахмет Сакаев, к счастью, в это время отсутствовал – дела задержали его в Орске. Забегая вперёд, скажу, что в деревню он так и не вернётся. Он умрёт от тифа на одной из узловых станций, пытаясь добраться домой в той страшной неразберихе, что породила

война.

К слову сказать, к тому времени этот бренный мир оставил мой отец, — он умер во время принудительных работ, организованных не то белыми, не то красными, в то время крестьян заставляли рыть окопы. Он был уже стар, но людей забирали невзирая на возраст, и в конце концов голод, холод и непосильный труд сделали своё дело. А через пару месяцев вслед за отцом этот мир оставила моя мать. И это было объяснимо. Они прожили вместе ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы друг без друга уже было нельзя.

Вафа-бабая уже тоже не было в живых. Он умер прошлой весной, в майский полдень, на берегу нашей речки. Когда его обнаружили, старик сидел, прислонившись к стволу большой ивы, а в реке танцевали весёлые солнечные блики. В руке его был карманный нож, смерть настигла его, когда он вырезал что-то из дерева, скорее всего, это был курай. Внизу, на воде покачивалась построенная им лодка. Лик старика был светел, а на губах застыла неприметная улыбка. Впрочем, никто другой эту улыбку не заметил, да и мне, скорее всего, она привиделась. Подозреваю, что тому было причиной. Незадолго до этого у нас был с ним разговор. Вафа-бабай был из тех, с кем можно говорить ни о чём и при этом получить гораздо больше, чем если бы кто-то обстоятельно и настойчиво учил тебя жить. Я помню, что беседа коснулась одного из жителей нашей деревни — одинокого и нелюдимого мужчины по имени Коктобай.

– У него всегда очень грустный вид. Говорят, он общается с тем светом, – сказал я тогда.

– А с чего ты взял, что там грустно? – спросил меня Вафа-бабай.

Если зашла речь о земных и небесных дорогах, то надо сказать пару слов и о мулле Гильметдине. В то время, о котором я сейчас рассказываю, он был ещё жив и находился в уездном городе. Мулла посчитал, что там ему будет безопаснее. Но судьба найдёт его в середине двадцатых, как раз в те годы, когда для приближения светлого будущего власть спешно избавлялась от священнослужителей. Это случится во внутреннем дворе НКВД. Мулла Гильметдин получит с дюжину пуль в грудь, и его душа медленно, ходя по кругу, словно вокруг священного камня, уйдёт вверх, обретя последнюю истину.

Итак, семью Сакаевых выгнали из их родного дома. Фатима Сакаева, её мать, а также шесть младших братьев и сестёр собрали узелки с пожитками и переселились к своим родственникам, живущим на другом конце деревни. Они уходили молча, переступая через осенние лужи, и эта грустная процессия растянулась на пол-улицы. Никто не думал, что семья оставляет своё гнездо надолго, так как в последние месяцы деревня переходила от красных к белым и, наоборот, уже не один раз. Но в глазах Фатимы была отстранённость и готовность принять всё, – она видела дальше, чем видят другие.

В доме разрешили остаться только немцу. Поначалу Вернера выгнали вместе со всеми, но затем Минлебай Атнагулов пожелал, чтобы тот остался. Никто не понял, почему командир решил именно так, но вопросов никто не задавал. Немцу отвели место на чердаке.

А через пару дней произошёл случай, который смутил жителей нашей деревни настолько, что даже обсуждать его никто не хотел. Ранним утром Минлебай Атнагулов прогуливался на окраине деревни, там, где один из холмов плавно переходит в Чёрный лес. Вдруг справа, на расстоянии шагов десяти, возникла женщина не выше полутора аршин ростом, в платье до самых пят, с чёрными, чернее воронова крыла, волосами. Она шла не торопясь, подстраиваясь под шаг своего попутчика. Но Минлебай Атнагулов был готов к встрече с албасты. Он выхватил браунинг, развернулся и выстрелил. Женщина упала навзничь, из её груди хлынула чёрная кровь, которая в мгновение ока залила всё вокруг, в том числе и саму женщину. А затем мёртвая женщина исчезла, будто её и не было. Так Минлебай Атнагулов убил своего албасты.

– Тот, кто избавился от своего прошлого, всегда думает, что уйдёт от будущего, – сказал я Минлебаю, встретив его возле дома Сакаевых.

– Моё будущее сродни свисту пули, – ответил мой товарищ по детским играм. – А пулю не догонит тот, кто ходит ступнями.

Он посмотрел на меня, и в глазах его не было ни сожаления

ния, ни угрозы, ни страха. Я почувствовал дыхание бездны за его спиной.

Затем к нему обратился кто-то из его солдат, и он ушёл на двор к Сакаевым. Оттуда тотчас донёсся оживлённый разговор, который, разумеется, посторонних не касался. Но мне удалось услышать отдельные фразы – «телеграмма из штаба армии», «пленные». Как я понял, через деревню должен проследовать какой-то обоз с пленными.

Дни в деревне похожи, как две щеки одного лица. Но с возвращением Минлебая Атнагулова каждый из дней обрёл значимость. За несколько дней произошло столько, что если бы положить эти дни на весы – они запросто перевесили бы полвека, а то и век. Я вспоминал и переживал всё это заново долгие годы, и буду переживать до самого последнего моего вдоха.

В ту осень ветра были особенно пронзительны. Они неслись по нашим улицам, сходясь на перекрёстках и образуя небольшие, с человеческий рост, смерчи, которые сновали перед глазами, словно пыльные дьяволы.

Вооружённые люди ходили по деревне, и лица их были недобры. Что было вполне объяснимо, потому что шла война, и ждать от этих людей добра было бессмысленно. В их облике читалась причастность к некому долгу, но что это был за долг, никто не знал.

А потом произошёл случай с пленными. Как выяснилось позднее, обоз должен был остаться здесь на ночь, а затем

проследовать дальше, в уездный город, где пленных ожидал трибунал. Они прибыли на трёх телегах в сопровождении четырёх конных красноармейцев. День уже клонился к закату. Обоз проследовал вдоль по нашей улице, люди прильнули к окнам, поскольку невольников у нас ещё не видели, многие из деревенских вышли и стояли у своих ворот, чтобы рассмотреть пленных поближе.

Их было около дюжины, в основном мужчины, но, помню, были среди них и три женщины, невесть какими путями вовлечённые в эти непонятные мужские игры. Пленные были одеты очень легко, по-городскому, осенний ветер продувал их насквозь. Они отличались от наших деревенских, и тогда я ещё не мог объяснить, в чём состоит это отличие, но сейчас точно могу сказать – в них угадывалось дворянское происхождение.

Я запомнил одного из них, мужчину средних лет, с прямой осанкой и правильными, волевыми чертами лица. На нём была солдатская шинель, и напоминал он доктора Фауста, которого я видел однажды в одной из книг нашего немца Иохима Вернера. Во взгляде пленного была отрешённость и готовность принять всё, как есть. Обоз проследовал к центру села, улица опустела. Взметнулся ветер, и на дороге заплясали пыльные привидения. Затем появилась Фатима Сакаева, и ветер тотчас утих.

Пленным выделили место в сарае, что во дворе Сакаевых, как раз напротив штаба. Два красноармейца с винтовками

заняли место возле дверей. Потом на деревню опустилась ночь, и она ничем не отличалась от других ночей, но был в её тьме некий скрытый смысл, так же, как во тьме сундука есть тьма второго дна.

Наши души были беспокойны. Никогда ещё в нашей деревне не останавливалось разом столько людей. Никогда ещё на наших двух холмах не жили бок о бок палачи и обречённые.

Я подозревал, что в эту ночь мне не уснуть. Эта ночь должна принести мне что-то особенное, но в чём эта особенность, пока ещё было неясно. Я вышел за калитку и осмотрелся. Улица была освещена лунным светом.

Из темноты появилась фигура. Это была Фатима Сакаева. В её руке был узелок.

– Я несу им еду, – сказала она.

– Но они спят, – возразил я.

– Они не спят.

Мы пошли к дому Сакаевых. Я был уверен, что передать что-либо пленным солдаты не разрешат. Кроме того, было ясно, что Фатиме опасно лишний раз там показываться, поскольку красные считали её классовым врагом. Тьма перед нами была страшна и двусмысленна, но я готов был идти с Фатимой в самое сердце этой тьмы, что бы нас ни ожидало.

У ворот дома Сакаевых стоял часовой. Мы увидели его ещё издали, и пока он нас не заметил, свернули на боковую улицу и решили зайти во двор сзади, там, где начинается

ся крутой спуск с холма к нашей речке. Продравшись через кустарник и траву, мы вышли во двор. Там мелькали тени, слышны были голоса множества людей. Перед нами словно разыгрывалось некое представление, и мы наблюдали самую важную из его частей.

Центром этого представления был большой костёр, который разожгли прямо посреди двора. С одной стороны от костра, вдоль стены дома Сакаевых, в одну шеренгу стояли с десятков красноармейцев. Их лица были освещены светом подрагивающего пламени. С другой стороны находился сарай, и оттуда выводили пленных. Руководил всем этим действием Минлебай Атнагулов. Он что-то громко говорил, но ветер подхватывал и уносил его слова, и потому неясно было, о чём идёт речь.

Тут меня, видимо, бес попутал, и мне захотелось подойти и рассмотреть всё это поближе. Фатима, к счастью, осталась стоять на месте, очевидно, творящаяся на наших глазах картина испугала её. Она могла приручать смерчи, но люди порой вызывали у неё страх.

Как вы помните, деревня наша располагается на двух холмах. И потому земля под ногами всегда меняет свой уровень. Бродя по нашей территории, то поднимаешься вверх, то спускаешься вниз. Двор Сакаевых представлял из себя поляну, которая круто обрывалась вниз, образуя большую, с человеческий рост ступень. И потому, подойдя к территории двора вплотную, я оказался на подножии этой ступени.

Я словно стоял у края сцены, к которой вышел из темноты зрительного зала. Плоскость сцены находилась вровень с моими глазами. Я смотрел на происходящее немного снизу, любой жест был значителен и весом, тем более что всё было подсвечено дрожащим светом костра, а то, что подсвечено ночным пламенем, остаётся в памяти навечно.

Минлебай Атнагулов стоял рядом с костром и держал речь перед своими людьми. Смысл её был таков. Из штаба армии получена телеграмма. Белые перешли в наступление, и сейчас они на подходе к уездному городу. Возможно, что нам придётся отступать. И потому пленных приказано расстрелять.

Пленники стояли рядком возле стены дома Сакаевых, их лица были бледны. В тишине потрескивал огонь, откуда-то издали доносился крик ночной птицы. Одной из женщин стало плохо, и кто-то из стоящих рядом поддержал её, чтобы она не упала.

Минлебай Атнагулов сделал паузу, а затем продолжил:
– Нам не хватает боеприпасов, и неизвестно когда они появятся. В первую очередь мы должны экономить патроны и не можем их тратить на пленных. Ситуация говорит сама за себя. Пленные должны быть зарублены саблями.

Опять наступило молчание, перебиваемое лишь потрескиванием огня.

Затем Минлебай Атнагулов назвал фамилии красноармейцев, которые должны исполнить этот приказ. Пленникам

приказали стать на колени. Поскольку человека, стоящего на коленях, ударить легче. Так сабля имеет большую силу.

Первым из названных был матрос Игнатий Хлеб. Пламя скакнуло вверх, осветив его лицо, и все увидели, что он гораздо бледнее тех, кого должен убить. Ему подали саблю. Но матрос, даже не взглянув на неё, отвернулся. А затем отошёл, пошатываясь, словно при штормовой качке.

Вторым был латышский стрелок Григас. Он взял саблю и сделал несколько шагов в сторону стоящих на коленях людей. Я сразу обратил внимание, что у него походка охотника. Подойдя к своим жертвам, стрелок выпустил из рук саблю, словно обжёгшись.

Третьим был казак Савелий Перегуда. Он решительно подошёл к первому из пленников и высоко занёс над ним саблю. Но, видимо, замах его был слишком долог, и в это время казак успел вспомнить о себе. Известно, что в последние секунды перед человеком проносится вся его жизнь. Но это касается тех, кто будет убит. Что же касается тех, кто сам должен убить, здесь дело обстоит несколько иначе. Он вдруг может вспомнить о себе. Савелий Перегуда вспомнил, что он – сын воина, внук воина, и все его предки были воинами. Они убивали в бою, в бою же умирали сами. И потому казак, словно опомнившись, воткнул саблю в землю и отошёл в тень.

Минлебай Атнагулов смотрел на это молча, с прохладной усмешкой. А затем разразился тирадой:

– Революции нужны твёрдые руки. Нам не нужны слабые нервные типы, которые боятся запачкать руки.

По мере того как он говорил, я заметил, что все красноармейцы всё больше отдалились в тень, словно второстепенные персонажи драмы. Посреди сцены стоял один Минлебай Атнагулов, чуть в стороне – освещённые пламенем, стоящие на коленях, жертвы. Я старался не высовываться, но не исключено, что главный герой спектакля видел меня. Спектакль предполагает наличие зрителей, и потому моё присутствие было оправданным.

Затем произошло следующее. Минлебай Атнагулов привёл приговор в исполнение сам. Но перед этим он приказал, чтобы из дома Сакаевых выкатили рояль, а также пригласили немца, чтобы тот играл. Казнь должна была сопровождаться аккомпанементом. Иоахим Вернер поначалу отказался наотрез, но после того как ему пригрозили пистолетом, вынужден был сесть за инструмент. Он заиграл Лунную сонату. А что же он ещё должен был играть, спросите вы, в деревне по имени Луна, когда в небе виден лик ночного светила, а рядом, ближе некуда – смерть?

Бетховен заполнил всю деревню, так же, как тогда, в первый приезд к нам Вернера. Минлебай Атнагулов, разумеется, помнил эту музыку. Он вообще был чуток к музыке. Итак, казнь свершалась под Лунную сонату. Палач подходил к очередной жертве, сабля возносилась и падала вниз, затем падал с рассечённой головой пленник. Мне показалось, что

всё это происходит как-то плавно, замедленно, словно в воде. И причиной тому была музыка, которая обволакивала собой каждое движение.

Сделав половину работы, палач остановился и отёр пот со лба. В это время кто-то из жертв что-то ему сказал. Я плохо расслышал, что именно было сказано, но, как мне показалось, это был вопрос «Зачем?». Палач подошёл к пленнику. Это был тот самый мужчина, похожий на доктора Фауста.

– Зачем? – переспросил Минлебай Атнагулов. На его лице плясали огненные блики. Он посмотрел пленнику прямо в глаза. Но тот его не боялся. Поскольку уже не было ничего, чем его могли бы запугать.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Затем спектакль был продолжен.

– Зачем, спрашиваете вы? – Минлебай Атнагулов прохаживался по сцене взад-вперёд, держа в руке испачканную кровью саблю.

Вернер по-прежнему играл Лунную сонату. Луна уже вошла в небо и светила в полную силу.

– Я вам отвечу, – продолжал Минлебай Атнагулов, прохаживаясь, словно в лучах театральных софитов. – Один наш деревенский дед говорил: «У Всевышнего свои планы насчёт каждого из нас». А я скажу так. Человеческая душа похожа на рояль. В ней есть белые клавиши и есть чёрные клавиши. И тот, в чьей это власти, открывает крышку и извлекает из нас музыку, которая им задумана. И это может быть Бетхо-

вен или, напротив, какой-нибудь паршивый собачий вальс.

– Сейчас, – Минлебай Атнагулов вдохновенно пошёл в моём направлении, к самому краю сцены, – я ощущаю величественную музыку бытия!

Он стоял прямо надо мной.

– Посмотрите! Какая потрясающе красивая луна! – он показал саблей на луну. Капельки крови упали мне на щеку. Сабля была прямо надо мной. Бетховен заполнял всё пространство вплоть до последних уголков.

Затем Минлебай Атнагулов вернулся к своим жертвам и продолжил свой жуткий спектакль. На сей раз его сабля трудилась без остановки.

– Жизнь – это всего лишь фон к чему-то гораздо более реальному, – сказал пленник, похожий на доктора Фауста, когда подошла его очередь.

Вернувшись к Фатиме, я обнаружил её дрожащей и словно пребывающей в беспамятстве. Разумеется, она всё видела, хотя и находилась значительно дальше меня от места событий. Я взял её за руку и потащил прочь. Дорогу я не выбирал, поскольку сам был далеко не в ясном уме. В такие моменты лучше не доверять рассудку, а довериться собственным ногам и собственному телу, которое само знает, что надо делать. Через некоторое время мы оказались возле нашей речки. Я подошёл к воде и смыл чужую кровь со своего лица. Потом я пытался привести в себя Фатиму. Но мои судорож-

ные действия не дали никакого результата. Она, по-видимому, находилась в состоянии шока.

И тогда я совершил то, чего сам не ожидал и никогда бы не совершил при других обстоятельствах. Я овладел ею. Это была ночь, когда мне дано было узнать вкус смерти и вкус женщины. Мой поступок может выглядеть безнравственным, однако в своё оправдание я позволю себе немного порассуждать. Совсем недавно один мой коллега, который значительно моложе меня (не забывайте, что я уже давно хожу по равнине, которая зовётся старостью, и уже совсем недалеко то мгновение, когда земля оборвётся под моими ногами), поделился со мной одним наблюдением. Он поведал мне, как провёл вечер с женщиной. «Когда мы разделись, – рассказывает он, – женщина попросила подождать и ушла принять душ. В комнате был ещё и телевизор. Там шёл какой-то фильм, а потом начались новости. Главный сюжет был о том, как в лагерь палестинских беженцев попала бомба. Камера подробно скользила по изувеченным телам взрослых и детей. Страшная картина, мрачные плоды вездесущей человеческой ненависти. Однако, как ни странно, моё желание не пошло на убыль. Почему? – задал я себе вопрос. Как могут сойтись две столь несовместимые стихии? Затем скрипнула дверь ванной комнаты, женщина вышла ко мне, и мы занялись любовью. Но этот вопрос не покидал меня, присутствуя где-то на втором плане моего сознания. А потом я нашёл ответ. Дело в том, что, видя, как на этой земле ко-

го-то убивают, ты, сам того не ведая, желаешь породить ему замену. В тебе живёт закон сохранения человеческого рода».

Наверно, в ту ночь моё подсознание руководствовалось тем же, хотя, разумеется, я не мог бы этого тогда объяснить. Кроме того (продолжу свои рассуждения, хотя кому-то они покажутся циничными), я хочу вспомнить о своих диких, необузданных предках, которые шли войной против своих таких же диких соседей. Они налетали неожиданно, словно степной ветер. Горизонт в несколько секунд чернел, тучи всадников неслись оттуда во весь опор, заполняя топотом всё пространство, и сердце того, кто это наблюдал, ёкало от страха. Всадники влетали в селение и делали своё страшное дело. Быть может, в отместку, а быть может, и нет, ведь по бесхитростным убеждениям того сурового времени разбогатеть можно было только ограбив соседей. Итак, они грабили, волоча за собой всякий хлам, какой подвернётся под руку. И делали ещё кое-что. Они убивали мужчин. И насиловали женщин. Здесь действовал всё тот же закон воспроизведения человеческого рода, и мои дикие предки бессознательно считали своей обязанностью зачать новую жизнь, взамен загубленной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.